Международная гильдия писателей

ВО!круг Свифта

© Альманах «ВО!круг Свифта»

Литературный альманах современных писателей – победителей одноименного конкурса. Выходит при содействии Международной гильдии писателей, объединяющей литераторов, говорящих по-русски и проживающих в разных странах мира.

International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
ingild.com

Германия: Stella 2022; 192 стр.
Все права защищены.
© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-299-7

9 783957 722997

Verlag „STELLA“
Deutschland
2022

ВО!круг Свифта

Джонатан Свифт (Jonathan Swift) родился 30 ноября 1667 года в Дублине, Ирландия – писатель-сатирик, публицист, философ, поэт и общественный деятель. Наиболее известен как автор сатирико-фантастического романа «Путешествия Гулливера», в котором остроумно высмеял человеческие и общественные пороки.

Литературная премия имени Джонатана Свифта учреждена в знак уважения к памяти писателя и для стимулирования литературной деятельности в русле заложенных им традиций. Учредитель премии – Международная гильдия писателей.

Джонатан Свифт

Основным источником сведений о семье Свифта и его ранних годах является «Автобиографический фрагмент», который был написан Свифтом в 1731 году и охватывает события до 1700 года. Там говорится, что в годы гражданской войны семья деда Свифта, священника в посёлке Гудрич (Херефордшир, западная Англия), переселилась в Ирландию.

В 1690 году Свифт начинает литературное творчество, сначала как поэт. В 1692 году Свифт получает звание магистра в Оксфорде, а в 1694 году принимает духовный сан англиканской церкви. Однако вскоре Свифт, по его собственным словам «утомился своими обязанностями за несколько месяцев». И в 1696–1699 годах он уже создает сатирические повести-притчи «Сказка бочки» и «Битва книг».

В 1700 году Свифт назначен служителем (пребендарием) собора Святого Патрика в Дублине. В этот период он публикует несколько анонимных памфлетов. Современники сразу отметили особенности сатирического стиля Свифта: яркость, бескомпромиссность, отсутствие прямой проповеди – автор иронически описывает события, оставляя выводы на усмотрение читателя.

В 1702 году Свифт получает степень доктора богословия в Тринити-колледже. Сближается с оппо-

зиционной партией вигов. Авторитет Свифта как писателя и мыслителя растёт. Он издаёт (анонимно, под одной обложкой) «Сказку бочки» и «Битву книг» (1704); первая из них снабжена многозначительным подзаголовком, который можно отнести ко всему творчеству Свифта: «Написано ради общего совершенствования рода человеческого». Книга сразу становится популярной и в первый же год выходит тремя изданиями.

В 1726 году выходят первые два тома «Путешествий Гулливера» (без указания имени настоящего автора); остальные два тома будут опубликованы в следующем году. Книга, несколько подпорченная цензурой, пользуется невиданным успехом. За несколько месяцев она переиздается трижды, вскоре появляются её переводы на другие языки.

Свифта иногда изображают мизантропом, ссылаясь на то, что в своих произведениях, особенно в IV путешествии Гулливера, он беспощадно бичует человечество. Однако такой взгляд трудно совместить со всенародной любовью, которой он пользовался в Ирландии. Трудно также поверить, что Свифт изобразил нравственное несовершенство человеческой природы с целью поиздеваться над ней. Критики отмечают, что в обличениях Свифта чувствуется искренняя боль за человека, за его неумение достичь лучшей участи. Больше всего писателя выводило из себя излишнее человеческое самомнение: он писал в «Путешествиях Гулливера»,

что готов снисходительно отнестись к любому набору человеческих пороков, но, когда к ним прибавляется ещё и гордость, «терпение моё истощается».

«Путешествия Гулливера» – по идее, программный манифест Свифта-сатирика. В первой части читатель смеётся над нелепым самомнением лилипутов. Во второй, в стране великанов, меняется точка зрения и выясняется, что наша цивилизация заслуживает такого же осмеяния. В третьей высмеиваются наука и человеческий разум вообще. Наконец, в четвёртой появляются мерзкие еху как концентрат исконной человеческой природы, не облагороженной духовностью. Свифт, как обычно, не прибегает к морализаторским наставлениям, предоставляя читателю сделать собственные выводы – выбрать между еху и их моральным антиподом, причудливо облечённым в лошадиную форму.

Немалую часть свифтовской публицистики занимают разного рода мистификации. Например, в 1708 году Свифт атаковал астрологов, которых считал отъявленными мошенниками. Он издал, под именем «Исаак Бикерстафф», альманах с предсказаниями грядущих событий. Альманах Свифта добросовестно пародировал аналогичные популярные издания, которые публиковал в Англии некий Джон Партридж, бывший сапожник; он содержал, помимо обычных туманных заявлений («в этом месяце значительному лицу будет угрожать смерть или болезнь»), также и вполне конкретные предска-

зания, в том числе скорый день смерти упомянутого Партриджа. Когда этот день настал, Свифт распространил сообщение (от имени знакомого Партриджа) о его кончине «в полном соответствии с предсказанием». Злополучному астрологу стоило большого труда доказать, что он жив, и восстановиться в списке издателей, откуда его поспешили вычеркнуть.

Спустя десятилетие после смерти писателя в Англии начнется процесс постепенного принижения его художественного наследия, который увязывали с особенностями его характера и «мизантропического» мировоззрения. Начало было положено биографией Джона Бойля (лорда Оррери) 1751 года, в которой он и превозносил Свифта, и во многом уничижал.

Сочинения Свифта печатались редко, а «Путешествия Гулливера» – почти исключительно в урезанном и переработанном виде. Подобное отношение постепенно возобладало во всей Западной Европе. Только к концу XIX века появились работы, положившие начало современному свифтоведению. Однако в XX веке в США и Британии автора и его сочинения обильно подвергали психоанализу, увязывая его мизантропию и прочие стандартные обвинения с разнообразнейшими сексуальными девиациями и патологиями, вплоть до «некрофильских фантазий» (по Б. Карпману).

Современная сатира

Марина Старчевская
1 место

Детектив

Лису ограбили, раздели догола,
Расследовать назначили козла.
А кумушке расправой пригрозили –
У потерпевшей шок и амнезия.

Злодей смотался. Знать бы, кто таков…
Козёл пошёл опрашивать волков:
– Чем звери дышат, как они живут?
Что можете сказать по существу?

– Намедни зайца видели с ружьём!
– Но мне подбросили! Нет, это не моё! –
Косой вопил, дрожа, как мелкий лист.

– А заяц-то у нас рецидивист! –
Решил козёл:
– Хватай, его, уродца!
(Ведь был бы заяц, а статья найдётся.)

Козлу всучили взятку алкоголем –
И волки целы, и козёл доволен.

Мораль:
Где в следствии козлы ни бе, ни ме,
Там зайцы невиновные в тюрьме.

Игла и шило

Однажды шило встретилось с иглой
и просипело:
– Ах, ты боже мой!
Какая тонкость, грация, ушко!..
Как ты мелькаешь ловко и легко,
и как блестишь, остра и холодна,
на розовой подушечке из льна.

А я, простой работник и аскет,
живу в пыли на старом верстаке.
Стальное сердце и прямой хребет
готов отдать пленительной тебе!

– Как мило! – приосанилась игла,
тряхнула ниткой и произнесла:
– Прости, дружок, но много лет манит
меня железный дуговой магнит.
В шкатулке, от булавок до крючков,
к нему у всех влеченье велико.

Мораль:
Увы, красотки с тонким станом
всегда предпочитают Дон Жуанов.

Вера Сытник
2 место

Встреча на потолке

Человек зашёл в квартиру и, скинув по пути перчатки, лёг на диван, прямо в одежде. Изнемогая от тяжести двенадцатичасового рабочего дня, проведённого в офисе. Тотчас уснул и спал до тех пор, пока не почувствовал, что сырость от мокрого плаща охладила тело. Не открывая глаз, стянул плащ с себя, подмяв его под ноги, и продолжил спать. Захрапел, освобождённый от железных пуговиц, и храпел до тех пор, пока не зачесались ноги. Снял на ощупь ботинки, затолкав их в карманы плаща, и опять провалился в сон. Ногам стало приятно, человек засвистел носом. Свистел до тех пор, пока брючный ремень не врезался в живот, и от боли не стали сниться кошмары про бандитские разборки.

Не понимая, кто всадил нож под рёбра, расстегнул ремень и вытащил его из шлёвок, накрутил на правую руку, вероятно, для защиты, на случай дальнейшей борьбы, и вновь отдался сну. Был в его власти до тех пор, пока галстук не сдавил горло, отчего человек захрапел, но не проснулся. Развязав левой рукой галстук, привычным движением подкинул его вверх и тот повис на торшере. Однако

человек этого не видел, он спал. Спал до тех пор, пока, запутавшись в штанах, не свалился на пол. Приоткрыл один глаз, сел на диван, недовольно покачивая головой, с чувством омерзения освободился от вельветовых брюк, снизу намокших от дождя, и тяжёлого твидового пиджака, лёг и снова уснул.

Спал до тех пор, пока рубашка не сбилась на груди в комок, от которого стало трудно дышать. Рванул со всей силы рубашку так, что с неё градом посыпались пуговицы, при этом ударив себя пряжкой ремня по лицу, выругался и снова уснул. Лежал, не шевелясь, до тех пор, пока не замёрз. Встал, позёвывая, поднял диван, вынул верблюжье одеяло, укутался в него и счастливо заснул. Бандитские разборки сменились беготнёй за бабочками в лесу. Смотреть на бабочек было неинтересно, человек проснулся. Открыв глаза, долго глядел в пространство перед собой, пока не понял, что там стоит женщина с ярко накрашенными губами, с его одеялом в руках. Вскочил, стал оглядываться, соображая, что происходит и где он. Оглядывался до тех пор, пока не разобрался, что находится дома, и что женщина та – жена. Разобравшись, успокоился. Сел на круглый обеденный стол, положил ногу на ногу, подперев кулаком подбородок, и спросил пустоту перед собой:

– Почему всё одно и то же каждое утро? Почему?

Несколько минут ждал, что ответит ему пустота. Не дождавшись, продолжил с ней разговор.

– Каждый вечер мечтаю проснуться в одежде, лишь бы не видеть эту помаду, чтобы сразу уйти, не теряя времени. Но не-е-т! Проснусь и что? Как всегда. Галстук на торшере, мятый плащ, рубашка без пуговиц, – пожаловался он пустоте доверительно, как другу, и стал снова ждать ответа. Ждал, ждал, до тех пор, пока не почувствовал, что подскочившая к нему женщина разорвала на нём его любимую жёлтую майку, дёрнув её с такой силой, что та, как подбитая птица, упала на пол. Распласталась и замерла, ни одним пёрышком не шелохнёт.

Увидев, во что превратилась майка, захохотал, закинув голову кверху, в отчаянии разглядывая потолок, только бы не видеть красной помады вблизи своего лица. Хохотал, хохотал, утирая слёзы до тех пор, пока не осип. Прокашлялся, высморкался в скатерть и настойчиво спросил, теперь у потолка:

– Что делать, как думаешь? А? Ждать, когда убью сам себя во сне? Видишь, какая шишка? Знаешь, как больно? Знаешь? Работать не дают!

Не добившись сочувствия в свой адрес, сурово замолчал, разглядывая трещины в штукатурке, представляя, как было бы хорошо удариться об потолок, чтобы получилась дырка, и через эту дырку

улететь куда-нибудь подальше от дома. Но чтобы до офиса – рукой подать. А ещё лучше просверлить дырку взглядом, чтоб голову уберечь. Нужна ведь – для работы. Попробовал, но, не добившись успеха, стал смотреть в окно. На грязные крыши соседних домов. Разглядывал до тех пор, пока не ощутил удар ботинком по спине. Вздрогнул от неожиданности и твёрдо сказал:

– Довольно. Сегодня я освобождаюсь от деспотизма.

Легко спрыгнул со стола и, подхватив по пути перчатки, единственное, что можно было надеть, не сомневаясь в их внешнем виде, быстро вышел из квартиры. Вызвал лифт и поехал вверх, не задумываясь куда едет. Ехал, ехал, пока не заложило уши. Выпрыгнул на ходу, улучив момент, глядит – много таких же, как он, в одних трусах и перчатках, мужчин и женщин, и все почему-то на головах ходят. Шагнул вперёд на гладкую, всю в трещинах, белую поверхность и тотчас понял, что тоже встал на голову. Оказалось весьма удобно. Главное, ногами сильно не размахивать, иначе нарушалось равновесие.

Поскакал в самую гущу, узнать в чём тут дело. Прискакал, остановился, слушает. Слушал до тех пор, пока не понял, что находится на потолке среди тех, кого заел деспотизм. Среди тех, кто взбунтовался, выйдя из дома, не одевшись. Как выясни-

лось, потолок не выдержал потока обращённых к нему вопросов и перевернулся. Пригласил к себе каждого, кто желал избавиться от надоевших бытовых и иных обязанностей. Поразившись столь необычному поведению, глянул себе в ноги, но ничего, кроме звёздной пыли, не увидел. «Надо же! – подумал. – Вверху туман, весь в искрах, а внизу потолок с характером. Сознание опрокидывает!»

От взгляда вверх закружилась голова, пришлось ухватиться за первое попавшееся плечо рядом. Оказалось – женщина. Груди лицо закрывают, волосы по потолку стелются. «Ладная, – подумал. – Молодая. Соски, как торпеды торчат. И волосы словно шёлк. Ноги крепкие. Педикюр со звёздочками. Куда моей до этой дамы!»

– Простите, – не выдержав, сказал потрясённо. – Мне удивительно такое видеть. Я здесь впервые. Вы от чего сбежали, не надев юбки?

Услышав, что женщина выскочила из дома, едва успев накрасить губы, что её заел деспотизм мужа, который, кроме работы, ничего в жизни не видит, даже её красоты не замечает, оскорбился.

– Как же можно такое не заметить, если оно само в глаза лезет?

И стал ласково гладить незнакомку по животу, желая утешить. Гладил, гладил до тех пор, пока не услышал:

– Мне нравится как вы гладите мой живот, но вы должны прекратить безобразие. Я тут тоже впервые, ещё не освоилась. Да и мужа жалко. Столько лет стирала ему рубашки! И гладила. А он, видя моё трудолюбие, решил издеваться, нарочно спит в одежде, чтобы мне чаще приходилось стирать. Деспот!

Осознав низменную жестокость незнакомого для него мужчины, подумал: «Какой негодяй!» и предложил:

– Выходите за меня замуж! А рубашки будем отдавать в химчистку, чтобы освободить вас для любви.

Увидел как взволнованно заколыхались груди, потрогал их и с чувством добавил:

– На руках вас буду носить!

– Ах! – воскликнула женщина, выглянув из-за бюста. – Какой вы славный!

Обнаружив, что её губы накрашены ярко-красной помадой, совсем потерял голову и принялся дрыгать ногами, как будто бежал к долгожданному счастью. Дрыгал, дрыгал, пока красавица не сказала:

– Мне пора. Нужно обед готовить. Можете проводить меня.

Подхватив даму под руку, запрыгал вместе с ней к выходу. Дождались лифта, заскочили в него и тотчас оба встали на ноги. Заняв нормальное положение, был ошеломлён:

– Это ты?! – закричал, увидев перед собой полуголую жену. – Это ты? Такая красивая и… молчала?! Перевернулась на голову? Как ты могла! Пошла на потолок счастье искать?!

Кинулся к жене, прикрывая её наготу, чтобы кто не увидел из тех, кто запрыгивал на ходу в лифт, и держал в своих объятиях до тех пор, пока не зашли в квартиру. Зайдя, засмущался.

Натянул мятые брюки, рубашку без пуговиц, пиджак, кинул плащ на плечо и остановился посреди комнаты, соображая, что сказать. Стоял до тех пор, пока не вспомнил:

– Будем отдавать одежду в химчистку, а сегодня пойду так. Не хочу, чтоб ты гладила.

И вышел из дома, оставив на полке перчатки.

Владимир Авцен
3 место

Оппозиционное

Я сильно левых не люблю
за их безнравственные нравы.
Я также правых не терплю –
как жаль, что нет на них управы!
Всех крайних вижу за версту,
любой, как дикий вепрь, неистов.
При этом я совсем не чту
лисоподобненьких центристов.
По мне – едины в мире сем
и уркаганы, и милиция…
Я в оппозиции ко всем –
такая вот моя позиция.
Но (это ж просто смех и грех!):
до дрожи, на пределе нервов
я ненавижу больше всех –
как я, оппозиционеров.

Лимерический диалог

Народ – депутату

Человеки – не то же, что люди:
погрязая в правительском блуде,
ты вчера – кандидат,
а сейчас – депутат,
но какие ж вы разные люди!

Депутат – народу

Костерите охотно вы НАС:
вор и плут, хрен с бугра, гадрурас...
Чья б корова мычала,
ваша лучше б молчала –
вы же выбрали лучших из ВАС!

Владимир Буев
Дипломант

Пародии

А после ливня петушиный зов,
Из дальних далей утренность накликав…
Евгений Голубенко, г. Одесса

Зов петушиный утренность призвал –
Включилось утро в нашу повседневность.
Пернатых певчих хор и их вокал
Войти в права приманивают днéвность.

И дневность приманилась – день настал.
Не вышла из границ закономерность.
У суток есть ещё потенциал:
Пора кому-то звать теперь вечерность.

Но вот мы слышим уханье совы.
Протяжный зов, в нём чувствуется сочность.
Коль ночь не за горами, то – увы! –
Пора сове в наш мир накликать ночность.

Поэта два – одесский и московский –
Пред языком не встали на колени.
…Мастак неологизмов Маяковский
Похлопал по плечу меня и Женю.

...Была ему набрана ванна...
Там тёмное тело сазана...
Я думал: он в дальние страны
в багажнике едет сейчас...
Вадим Муратханов

В багажнике в старую ванну
рыбёху отец схоронил.
Не раз уже рыбоохрану
он зá нос (за взятку) водил.

Морское представил я царство.
Морской мне пригрезился царь.
Придворный сазан мне «не парься!»
мигнул, а царю: дескать, жарь!

Пришёл я в себя, в ноги резко
кидаюсь отцу: не губи,
мол, кушать сазана побрезгуй.
Но втуне пропали мольбы.

Уж запахи ноздри щекочут:
Сазан в сковородке шкворчит.
...Владыка морской в нос бормочет:
«Мой тоже взыграл аппетит!»

Марина Ламбертц-Симонова
Дипломант

Современная сатира

В России уважают еду и часто употребляют ее в разговоре: например, только здесь можно быть «пьяным в сосиску», просить в долг... «лимон», получить по какому-нибудь предмету в вузе «банан», ругаться используя... «блин», показывать... «фигу», называть серьезный документ... «фиговым листком», катиться... «колбаской по малой Спасской»... Посылать, и довольно часто на... «хрен», утверждать, что «хрен не слаще... редьки», держать нос... «морковкой»... Наесть пузо, как у... арбуза, быть молодцом, как.. «соленый огурец», чесать свою... «репу» и делать что-то, что проще «репы... пареной», «вешать на уши... лапшу», затыкать... своё «хлебало», договариваться по... «чесноку», быть не человеком, а... студнем, иметь не жизнь, а... малину, быть... яйцом, которое учит... курицу, показывать где... раки... зимуют, не пытаться получить от... козла... молока, пугать, что могут взять за... яйца, считать человека не... рыбой и не... мясом, рассказывать о встрече рыбы с раком и щукой, брать человека «за жабры», щёлкать задачки, как... Семечки, подливать... масла в... огонь и внушать человеку, что у

него... котелок не... варит, а нос, как... картошка, а изо рта... щами пахнет, поэтому его следует закрыть, а в голове... сплошная... солянка, и дети растут, как... грибы, а попа может иметь форму... яблока или... груши... а сам, как... пивная бочка... или тощий, как... селедка, и вообще: «уберите, пожалуйста, свои... щупальца... камбала... сушеная...»

А теперь пока не поздно остановимся, а то вот-вот начнём называть друг друга: свиньями, кабанами, коровами или конями в... пальто, а то и просто... сдобными булочками и... пышками или, на худой конец, пончиками или цыплятами за 1 рубль 25 копеек, и жаловаться на то, что опять... тухлыми яйцами... пахнет, хотя ещё вчера всё шло как по... маслу... И я там был мёд, пиво пил, по усам текло, да в рот не попало... а на безденежье и... рак – рыба... А что ты вообще такой... черствый, как... хлебная корка, а в твоих щах можно... порточки... полоскать... а ноги у тебя... сыром пахнут и шутки... сальные, и чего ты вообще такая кислая, как... клюква, да и говоришь, как будто у тебя... манная каша во рту, а у самой... молоко на губах не... обсохло! Нет, вы только посмотрите на эти... сливки общества! Да, яблоки недалеко от яблони падают! Зато после русской... водочки, словно в легкой лодочке...

И все проще простокваши, а если будешь чавкать и вякать, то сделаю из тебя... люля-кебаб...

или... отбивную котлету, или ты хочешь, чтобы тебя превратили в бефстроганов, вобла старая, и вообще оставь свои телячьи... нежности, а то развели тут тефтели-мехтели... Да, не хрена вы, бараньи головы, не получите с вашими куриными мозгами и цыплячьими ляжками... И кто это вас так... Нашпиговал? Судак вы фаршированный – вот вы кто! А ты и вообще помолчи... эскимо, вернее... кало на палочке!

Не девчонка, а ... конфетка, я тебе устрою жизнь в... шоколаде, и чего ты все тянешь, как... сливочная тянучка! А чего это ты такой красный, как... помидор, а ну... колись!

Ольга Слободкина-von Brömssen
Дипломант

К страусам

Из дневника переводчика

ФЕВРАЛЬ:

Меня ждала конференция по страусоводству, хотела я того или нет, и мне каким-то образом нужно было полюбить этих диковинных птиц-бегунов. Хотя почему диковинных? Меня саму дразнили страусом в начальной школе – я была высокая и худая, со страусиной шеей и страусиной попкой. Мама тоже иногда звала меня страусенком, но это было нежно. Правда, не обижалась я и на своих однокашников – я тогда уже достаточно окрепла после детского сада, а социальные различия начала чувствовать еще раньше, лет с пяти. К тому же в школе мой интеллект быстро поставил на место вредных девчонок из детского сада.

Итак, страусоводство. Только бы не разболеться. Придется готовиться. Тексты бредовые, а организаторы хотят провести конференцию на высшем уровне.

Напарником по переводу я выбрала своего давнего коллегу Колю Тишинского – он уже успел выучить четыре языка и теперь проходил курс ита-

льянского на факультете повышения квалификации в Ин.Яз'е.

Все-таки жизнь полна неожиданностей разного порядка и совершенно непредсказуема. Почему именно страусоводство? Хотя последнее, что я переводила, была фитопатология растений. Почему бы теперь не возникнуть страусам?

– По страусоводству? – с удивлением переспросил Коля.

Видно, его жизнь не столь изобиловала экзотикой.

– Именно, – ответила я.

– У нас в стране еще и страусов разводят? – продолжал недоумевать он.

– Думаю, не только.

Мой брат-биолог удивился не меньше, правда тут же вспомнил случай, как деревенская мать одного его знакомого, который разводил страусов сказала кому-то:

– А мой Петька ничаво. Каких-то кур развел. Злющие…

Для начала мне предложили письменно перевести доклад некой финки. С английским у нее явно не сложилось, но все же при определенном мозговом напряжении из написанного и отправленного по факсу можно было извлечь рациональное зерно: «Бескилевые – это большие наземные птицы с длинной шеей и мощными ногами, приспособлен-

ными для бега». На длинные дистанции? «Защита бескилевых от хищников зависит от их высокой бдительности, основанной на остром зрении и уклончивом поведении, включающем убегание на высокой скорости». Этому последнему (в смысле уклончивому поведению, особенно же убеганию на высокой скорости) мне, цивилизованной христианке, еще учиться и учиться. С бдительностью у меня тоже не всегда срабатывает, вернее, срабатывает всегда, но потом мне почему-то не хочется верить, что мы живем в животном мире, и тогда я уже получаю сполна – от хищников. Да, страусы мудрее меня. Хотя бы потому, что женятся только на страусах. А вот я в юности вышла замуж за хищника – за волка и удава в одном лице.

«Страусы обыкновенные развивают скорость до 70 км/час, а нанду могут поворачиваться на 45 градусов, резко меняя курс движения». Тоже небесполезный маневр. Но что касается прямых углов, здесь тормозит воспитание, не позволяя прибегать к подобной хитрости.

А это уже точно про меня: «Физическое ограничение свободы птиц потенциально опасно для тех, кто с ними работает, так как бескилевые реагируют очень быстро, если их напугать, – прыгают и бьют своими длинными ногами». Помню, как моя будущая свекровь попыталась зажать меня в родственных тисках и как ей пришлось разжать руки – я

просочилась, словно вода между пальцев. То же можно вспомнить и о моих коктебельских хозяйках – так что в этом пункте я оказалась на высоте – одной со страусами.

«Если роль родителя выпадает на долю рабочего, который присматривает за птенцами, необходимо, чтобы он (или она) находился с ними в течение всего дня, так как отдаление от фигуры родителя вызывает у птенцов сильную депрессию». Тоже, вроде, верно, если вспомнить детский сад. «Более того, необходимо в свое время рассмотреть замену этого человека взрослой птицей во избежание сексуального отпечатка...» Ну, это уж что-то чересчур задумчивое. Какого отпечатка? Куда отпечатка? И нет ли такой гадости и во мне? Хотя не должно быть, так как в свое время, в детстве, фигуры родителей довольно часто заменялись фигурами прародителей в связи с тем, что фигуры родителей были заняты написанием диссертаций.

«Со страусом нужно обращаться мягко и никогда его не торопить». А вот это стопроцентное совпадение. «Запрещается толкать, ударять и раздражать птиц...» «А ты не будешь меня бить и пугать?» – спрашивала я в детстве мужчин-гостей нашего дома: срабатывала-таки бдительность.

Текст оказался не только нудным, но и длинным, то есть длиннее, чем я могла понять в предконференционной суете.

– Сергей Станиславович.

– Я.

– Здрассте. Это – Слободкина.

– Здрассте, Оля.

– Сергей Станиславович. Там получается около пятидесяти страниц...

– Это ничего, – ободрил меня страусовод-бизнесмен. – Сумму мы округлим.

Страусовод предложил мне перевести этот текст за 50 долларов, я выторговала 70, но пятьдесят страниц текста – это, извините, $500, ежели по $10 за стр. (1 500 знаков, включая пробелы), что для меня – переводчика высшей квалификации – весьма и весьма средняя цена. Обычно я беру по $15–$20. «Ну, по десять так по десять», – подумала я. Все-таки страусовод сам – бывший переводчик, должен знать расценки, тем более что их гордая фирма «Кемел» располагается дверь в дверь с бюро переводов.

Коля не был столь уверен в осведомленности страусовода относительно расценок за перевод и посоветовал мне предложить ему расплатиться со мной еще до начала конференции.

– Выдай ему мягкий текст, но с жестким посылом, а то я тебя знаю. Сделаешь ультиматум, а он в принципе тебя уже послал...

– Ну почему послал!

– Ты что – не понимаешь? Они – акулы, а мы – планктон, который проходит у них между зубов. Ты что думаешь – у него денег нет? Он наверняка ездит на джипе, а на тебе экономит. Ну, в общем, не подкачай!

Чем закончилась история со страусами, вы, наверное, и сами догадались: страусовод-бизнесмен не захотел платить не то что $500, а и $100 – вот, что значит российская компания. Нет, теперь – только с американцами, как и всегда. Я получила свои $70 и от конференции отказалась, отдав при этом $15 посреднику, который вывел меня на страусовода.

Правда, Коля отработал, и, как он ни сомневался в порядочности страусоводческого бизнесмена, тот ему тем не менее заплатил – по договоренности.

А вообще мы с Тишинским уже два хрыча на Площади Ильича – 85 лет в сумме: мне 42, ему – 43. Я ему говорю:

– Тишинский! Давай вертолет купим. У нас с тобой – ни детей, ни чертей. Чего копить?

– Ну зачем тебе вертолет? – отвечает Коля. – Мне вот тут синхрон предложили – $100/час. Согласна?

Я, конечно, согласна, но вертолет все-таки купить надо. Так полетать хочется. А то все копим-копим, работаем-работаем и спариваемся только в синхронной кабине в переводческом экстазе: мы

же с Тишинским – давние коллеги, не страусы какие-нибудь…

– Ну, чего тебе не хватает! – говорит Коля. – Квартира у тебя есть, дача есть, компьютер есть, диктофон есть, автоответчик… Ну, чего тебе еще?

– Вертолет хочу – полететь… к страусам…

МАРТ:

Брат предложил мне переводить с ним на пару книгу про акул…

Сказки, притчи, фантастика

Ирина Петрова
1 место

Ишанькина баючка

Ишаньки в рукаве жили. Узенькие и тихие. Курили мяту ранним утром. Слушали – стучат оба сердца. Перестукивались с ними по вечерам, шалили морзянкой. Солнечные мошки щекотали их макушки. А все остальное было как у всех.

Путешение

Ладненько, оторву. Снуют таммки ужно, сокоряют. А васьни путешениют.

Путешение бывает осказное. Ухлое, но такое никого не оброляет. А вот чуманкое сильно всем ага, ажукает. Потому и надо их непремательно обрыван. От этого они снуют восхитутельно, млодозают тоненько.

И мне тоже хороро. Брависю. Хляп-хляпушу.

А вам оборван?

Баючка туповатая

Пыжусь думку выдумать, а она никак. Убегает, прячется, аукает далёко, не поймать, не увидеть, не вымолвить. Почему дымкою туповатой накрыло так?

Странноватто, однакко.

А вопросы наклоняются с ухмылкою, спины гладкие гнут, в пустоту глазниц моих серокруглых заглядывают. Спрашивают смешливо, ждут со вниманием. Вдруг мыслишка искрой проскочит? Аль идея какая хвостом вильнет?

И я тоже жду. Хмурюсь туповато, секунды считаю. Еще пятнадцарик подождать, а там и пальнёт.

Закудрявятся извилины, заскрипят сознаньки во лбу, ледоколом туповатость раскрошится, тут гениалька и прискочет. Капля за каплей мудрятинка накапает, умнота просветлеет, чудота наконец-то и сотворится. Всем хватит.

Баючка про Пыречку

Рьяно-рьяно утром вышла Пыречка посмотреть на небосферу. Солнцу подъем скомандовать, проспит ведь! Видит она облако-тыблако, что всю небоплоскость как потолок затянуло, бороняется оно и трепещет от чего-то. Вот ведь непонятка, хрюняется Пыречка, что творить ей в данном моменте – никак не сбудит. Дуется и пурхает Пыречка, шнурочки пушистит, ветерком затуманивает.

Зашелестели подорожники, законопатились горошинки, тут стайка и вылетела. Дождик поехал.

Собралось облако-тыблако в кулачок, со-жамкалось, поскуливает. Пыречка гладит его по макушке, присвистывает, дождинки-пальчики пересчитывает. Наведись порядком, – моросит, – заверну в портянку, уносись! Скатилось обмороком в кошелечек, да и стукнуло.

– Ой-как-ой, порошучек миленький, снизойти к Пыречке, торопись-ка! Будет соботачка шамкать лукою, будет и сайка голубенькая.

А глядишь, вон там – крошечка солнечная побежала по верхушкам, разгоняется, ласкою разливается. Хорошайка теперь ко всем нам пришла. Гидеально и ай!

Баючка про радочку

Во внутрю смотрю, подмигиваю, кусочки свои перебираю.

– Радочка, а ты где? – зову заигрываю.

А она раз – и выпрыгнет, как заичка, растечется мякушкой.

– Привет, – улыбается во все стороны, брызгами светится.

Знаю-знаю, ты теперь моя верная мурочка, куропатка смешливая. Как люблю тебя, радочка, буду звать тя каждый день до дна самого. Прихахади!

Бая про тихоту

Шепетит тихота, тянучится шалями, укрывает лаской, мурчит шир-шир. Надо с ней поговорить, чтобы тайну выведать.

– Мне бы, тихота, тайну услышать, хоть одну вот. Поможешь?

Тихота таится, помуркивает и не ширится никак.

– Я тебе, – говорю, – в отместку радочки дам. Хочешь?

Хохочет тихонечко тихота, радочку хочет, вижу то.

– Какую такую тайну-крутайну хочешь? Сама повыбираешь или мне давать? – муркнула тихота и затихла.

– Твою хочу! Тихотины тайны таинственней. А другие мне наскучили, простые да вязкие.

– Мои тайны морошками пахнут и шишками еловыми постукивают. Воют еще.

– Вот и славненько оно, давай. Согласная я.

– Заворачивай ушки, ладошки подставляй, насыплю, – мырк тихота и шмыг долой. Радочку свистнула, за пазуху сунула и айда.

А я что? Семечками тайны лузгаю, ядрышки вкусные перевариваю. Теперя чай много тайнов у меня в животе, тепленько им там и карашо.

Баючка Пустоватина

Пустовата молчком ширится, никому не показывается, а если кто вякает – обрывает гудящие эхи-охи. Утягивает в темную штольню, манящими щупальцами пришептывает: бросcь-брыcсь-боиcсь! Тереблю думками мозгулины, а те никак не зашевелются. Прыгаю, аж пальцами ног землю цапаю, жалобно икаю – а пустовата рьяно оковами леденит. Рычать пробую, рругаюсь. А оно все никак не ладится. Завалюсь на закат, залинюсь назло, пускай пустоватится. Ешь меня, проглатывай донышком, пустоватина ядреная. Меня ледорубом не возьмешь, я от ласки растаю и сольюсь тихоненько.

Зазвездилось небесное полотно, хлопает под ветром, туманится. А я сдамся, как лютик-нытик, и пускай валится в низины темень ага.

Потеряюсь и пусть-грусть.

А там – ого как! Низко-вязко, шепелявится-шевелится недро. Мне показывает изнанку дрожащую. Я и смотрю, взглядом за-нутро проникаю, суть вижу.

– Пустовата-пустовата, ты ни в чем не виновата! – выдыхаю гортанькой, затихаю.

Чудится такое: мне бы солнышка, но чтобы внутри под ребрами грелось. Подышу носопыркою с придыханием, может, и взойдет.

Встану поранню, в темноте солнцелучи нащупаю и притяну. Веревочкой с петелькой, хорошо цепляется. А Пустовата пусть живет себе тихонько, у нее своя песня.

Душеласка

Течёт-тянется мяккая, длонно и тепленько, из моих очей в твои да обратново, волною карусельною. Твои темно-спуганные, дрожанкою ресничат, ожиданки нежданые оторопят. Будет ласка или мимо пройдет? Потеряется или снова вернется? А вдруг навсегда?

Ой-как щикотно эт-твое душеванное, моська-морошка бежит-шуршит по рукам, к ушкам торопится. Перешоптувает, аю-ай, только ли мне всё это?

А я уж дюже смолю, серенькую голубею выпускаю, лети и грей, много есть.

То шуточки от душечки, бережись, говорю, а то заласкавеешься.

Бери насовсем до макушки, много есть, всё ласкаться может.

Баючка любаватая

Сначала думала, что нету ее, нехватка окаянная совсем извела. Собирала крошечки по блюдечкам, да все не свои. Липкие, чужие. Дайте-дайте пожа-

луйста, просила-уговаривала. Вам, таким хорошим, что угодно за это сделаю, правда-правда!

Давали маленько, жадные все. У самих-то нет.

Потом добывать научилась. Лихо! Как сделаю такое большое, что все сразу. Ах! Так и получаю медальку. Позолоченную, тепленькую. Мне нравилось. Много накопилось, валяются кругляшечки вон там в уголочке, пылеватостью лохматятся.

А я тогда довольная даже была, думала: вот она, поймала я хвостатую, приманки все знаю. Накоплю и наемся досыта, на всю путеечку жизнидолгую хватит.

Ошибалочка получилась. Ага.

Вот как было. Дозу кругляшечки получу, а она шмыг и ускочет. И пустонько так вдруг, и хотейка опять зажмется под ложечку, хнычет. Она маленькая, но голодранная какая-то. Ей снова ахота, много-много и чтоб всегда, а сил-то уж нет. Кончилися, упластанные.

Нет Ахов, нет и медалек. Грусненько.

Стала рыскать кругом, копаться. Где-то же должна быть! Чую же, пластами лежит, реками льется, бездонными тоннами прячется. Где? Кричу, плачу. Помоги, Господи, – молю.

Тихота в ответ пришла.

А за ней Пустовата навалилася.

Ук, зря всё. Нолики бесконечные, да и те сдулись. Умнота съехала, в землю провалилась.

Тут я и нашла донце бездонное. Кругом она вся, любовата самозванная, ешь не хочу, черпаками лови, втягивай. Скок хошь выпевай, все твое. Пей, проглатывай, да пропитывайся вся до капельки. Сочиться будет – поделишься.

И все на этом, думаете?

Нетушки. Погодите листочки поворачивать.

Принималка усвоянская – хорошо прививается, но что это вцелости значит? Раз любовату брать надо, так значит нету ее изначально изнаночно.

Не сразу дошло, мыркалась плескалась долгонько. Принималка сладкая такая, сытноватая. Так бы и топала с радочкой под ручку до самых концов.

А тут приключеньице со мной приключилося. Ни с чего вдруг стукнуло сердечко по темечку, думалку мою щелк разочек, и вот. Докатило-о-ось!

Я-то любовата и есть.

Во-как оно по правде-то. Да-да-да, реалию глаголю, зуб съесть!

Теперь живу так. Наблюдаю ее, заветную, примериваюсь, принюхиваюсь – тут она. Никуда не девается, есть и все. Течет, не краснеет, переливается, тепленькая. Розоватая иногда, а вечерами золотится немножечко. Подсвечивает. И ничего ей не надо совсем. Есть и все тут. И всегда была. А я-то и не чуяла. Чуйка потамучто маленькая была, неразвитая. А тут выросла, видимо.

Так-то.

Ольга Коршунова
2 место

Рояль

Сказка для взрослых

Этот рояль был ещё совсем юн, по-юношески амбициозен и вместе с тем мечтателен. Внешне напоминал этакого голливудского супермена – лауреата премии «Оскар»: широкоплеч, элегантен в своём чёрном смокинге, подчёркивающем достоинства атлетической фигуры. Блистателен – во всех отношениях! Он и сам это осознавал, и ослепительная, белозубая улыбка – во весь ряд идеально подогнанных друг к другу гладеньких клавиш – так и рвалась наружу.

Рояль готов был вступить в большой свет. Он знал, что именно там его место, и жаждал восхищать, вдохновлять. Ему не раз представлялось, как он стоит на сцене, гордо вскинув крышку, возвышаясь над тривиальной «мелкотой» оркестра.

В магазин музыкальных инструментов наш герой был доставлен со всеми предосторожностями. Ему оказали должное уважение и установили на лучшем торговом месте в центре большого, ярко освещённого зала. Тут впервые он испытал, что значит оказаться в перекрестии восхищённых и, что греха таить, завистливых взглядов.

Лампы на потолке восторженно распахнули глаза. Каждая мечтала отразиться в его задумчиво-загадочной глади. Пианино, стоящие вдоль стены, посчитали себя оскорблёнными до глубины души. На их взгляд, этому выскочке предоставили совершенно незаслуженные привилегии. Они обиженно поджали губы и демонстративно бойкотировали его. Балалайки и мандолины на все лады перемывали ему косточки, но рояль был выше того, чтобы реагировать на эту мышиную возню.

С явной симпатией отнеслась к нему аристократка-арфа, будучи самой благородной в этом пёстром музыкальном семействе. Рояль чувствовал, что между ними много общего, и с удовольствием развлекал красавицу-соседку светской беседой.

Но вскоре пылкие взгляды ламп и томные вздохи арфы наскучили роялю. Шло время, а он так и оставался украшением интерьера магазина. Постепенно начал впадать в депрессию. Стоял, угрюмо надвинув на глаза верхнюю крышку.

Он даже удивился, когда им занялись грузчики магазина: запаковали как огромный новогодний торт. С облегчением вздохнув, прикрыл глаза и решил не открывать их до тех пор, пока не окажется на месте.

Наконец, поездка и переноска закончились, и его поставили. Затаив дыхание, рояль решил открыть глаза и застыл в недоумении: «Куда это меня завезли? А, наверно, сцена ещё не готова…»

С этой успокоительной мыслью глубоко вздохнул и распрямил затекшие при перевозке плечи. Огляделся. Большая светлая комната. Рядом – молодая женщина. С хозяйским видом она придирчиво осмотрела рояль. Осталась довольна. Ласково провела рукой по блестящей крышке. Рояль невольно приосанился и поспешил очаровать её улыбкой.

Пальцы женщины проворно пробежались по клавишам, пробуя их на звук. Рояль с готовностью отозвался на её приглашение к знакомству.

– Неплохо. Весьма недурно, – удовлетворённо кивнула незнакомка. За её спиной раздался лёгкий скрип открывающейся двери. Она оглянулась.

– А, это ты, Вадик. Посмотри, что мы тебе купили.

Рояль осторожно скосил глаза в сторону двери и оторопел: там стоял, насупившись, толстый мальчишка лет семи. Рояль нервно переступил с ноги на ногу. Такого поворота событий он никак не ожидал.

– Это что, стол? – скривил губёнки мальчишка.

– Нет, милый, – рояль. На нём исполняют музыку. Только посмотри, какой красивый. Очень дорогой. Такой нестыдно в зале поставить. Ты будешь учиться играть на нём. Мы нашли для тебя прекрасного преподавателя. Зовут её Августой Витальевной. Лауреат международного конкурса, между прочим.

– Не хочу, – набычился сын.

– Тебе понравится, вот увидишь.

– Не хочу, – нотки упрямства резче прозвучали в голосе мальчугана. – Зачем вы его купили?

– Это тебе наш подарок ко Дню рождения.

– Вы же мне пони обещали! Хочу пони!!!

– Успокойся, – не повышая голоса, но всё же достаточно твёрдо произнесла мать. – Будешь кричать, побеспокоишь отца, а у него сейчас важные гости. Не надо его сердить, а то накажет.

Мальчишка всхлипнул, губки его задрожали, но всё же он замолчал и выбежал из комнаты. Однако рояль успел заметить, каким ненавидящим взглядом полоснул по нему напоследок его юный хозяин. Будто очередью из автомата вспорол бок.

От всего произошедшего на его глазах рояль просто оцепенел. Ужасом окатило. Это был крах. Катастрофа…

Потянулись мучительные дни. Непослушные пальчики юного отпрыска тыкались в клавиши неумело, как слепые новорождённые котята. От такой «игры» у рояля начинались приступы икоты. Едва горе-ученик приближался к нему, рояль впадал в нервный ступор. Не спасали положение даже чуткие, трепетные пальцы Августы Витальевны, пытавшейся иногда своей виртуозной игрой хоть както увлечь строптивого подопечного. Если бы не присутствие на уроках матери, учёба вряд ли продвинулась бы хоть на шаг. Матери мальчишка явно побаивался.

Очередная пытка в виде урока музыки близилась к концу. В этот раз мать была занята своими делами и не смогла присутствовать на занятии. Отрабатывался простенький пассаж из пьески для начинающих. Несмотря на кажущуюся лёгкость, музыкальный фрагмент никак не давался Вадику. Разозлившись, он со всего размаха ударил по клавишам крепко сжатым кулачком. Августа Витальевна так и отпрянула от неожиданности. А Вадик, радостно рассмеявшись, ударил ещё раз. И ещё! На этот раз – сразу двумя кулаками.

Рояль оглушительно ахнул от нестерпимой боли. Тут его терпение лопнуло. Крепко стиснув зубы, он решительно хлопнул тяжёлой деревянной крышкой по рукам ненавистного мальчишки.

– А-а-а!!! – взвился под потолок вопль Вадика.

– У-у-у! – удовлетворённо загудели басовые струны рояля.

– Ой-ёй-ёй! Как же так! – запричитала перепуганная Августа Витальевна. – Надо скорей «Скорую» вызвать!

Она подхватила на руки бьющегося в истерике мальчика и стремглав выбежала с ним из зала. Рояль остался один. Он стоял как гладиатор, только что выигравший смертельную схватку, – с гордо поднятой головой, тяжело дыша, крепко упёршись в пол ногами, готовый вновь дать отпор, если понадобится…

Бунтарь отделался ушибом. Занятия музыкой отложили до его выздоровления. Но про себя мальчуган твёрдо решил, что никакого продолжения не будет.

Поздно вечером, когда родители уснули, он потихоньку выбрался из кровати. Взял тяжёлый игрушечный танк и прокрался в зал, где мирно почивал рояль. Не зажигая света, решительно подошёл к инструменту.

А тот, успокоившись после дневного происшествия, благодушно подрёмывал. Ему снилась залитая светом сцена. Звучал концерт для рояля с оркестром. Длинные пальцы пианиста летали над клавишами, извлекая звуки, но у рояля было чувство, что это он САМ рождает музыку, Сам изливает переполняющее его чувство. Не дожидаясь ударов молоточков, струны пели – возвышенно, торжественно. И столько было в этом исполнении упоения, что рояль неожиданно для себя начал приподниматься над сценой, над оркестром, над притихшей публикой. Он взлетал к невиданным, сияющим высотам. Последний, жизнеутверждающий аккорд, последний бросок в Вечность и…

…Вадик тихо приподнял крышку рояля и со всей силой ударил танком по клавишам…

…Сначала роялю показалось, что это зал взорвался оглушительной овацией, но потом его окатила оглушающая боль. Мальчик торопливо, пока

ему не помешали, с мстительным упорством колотил по клавишам. Острые осколки летели во все стороны, как выбитые в драке зубы. Струны стонали, моля о пощаде. Рояль захлёбывался криком от нестерпимой боли, а Вадик ещё и приговаривал:

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!..

Когда в зал ворвались плохо соображающие со сна родители, с роялем было покончено. Окончательно. Мать при виде разгрома тихо ахнула и схватилась за сердце. Отец же в гневе отшвырнул сына прочь от растерзанного инструмента, вырвал из его крепко сжатых пальцев танк и в первом порыве сам замахнулся на взъерошенного мальчишку.

– Саша! Не надо! Не надо! – с воплем повисла на его руке жена...

Чем у них дело закончилось, рояль так и не узнал. Ослепший, оглохший, весь в рваных ранах, но с освобождённой душой он уносился ввысь, в солнечный поток света, где всё ещё счастливым отголоском звенел последний, всепобеждающий аккорд...

Наталья Колмогорова
3 место

Невероятное путешествие Чайника

Чайник ни разу не бывал на море.

Он видел море всего один раз, мельком, в приоткрытую дверь кухни. Диктор телевидения рассказывал о нём так самозабвенно, что Чайник вскипел от восторга – вот бы встретиться с морской стихией!

Шло время…

Чайник обрастал накипью, эмаль по бокам облупилась, и в конце концов хозяйка заменила его на новомодную посудину со свистком. И теперь старый Чайник за ненадобностью бездельничал в тёмном чулане, наблюдая за тем, как новенький соперник, гордо задрав узкий нос и выпуская пар, свистит на всю округу.

За два года заточения в кладовой Чайник хорошо запомнил одну-единственную историю со счастливым финалом. Повезло его соседу по полке – Проигрывателю, крышка которого треснула, игла погнулась, а на боку красовалась надпись «Юность». Однажды хозяйка сняла Проигрыватель с полки, смахнула пыль и сказала, обращаясь к гостям:

– Старичок-то наш ещё скрипит! Помните, как мы отплясывали «Летку-Енку»? Какую пластинку вам поставить теперь?

Когда часы с гирями и беспокойной кукушкой внутри пробили двенадцать, старый Проигрыватель возвратили на место.

– Боже мой, это было прекрасно! Я вновь возвратился туда, в юность, – мечтательно пропел Проигрыватель. – И как же хороша оказалась пластинка! Чёрная, блестящая, почти не заезженная.

– Осмелюсь напомнить, на твоей крышке написано – «Юность», – ехидно заметили Плоскогубцы. Они часто скрежетали зубами и ехидничали просто так. Видимо, от скуки.

– Ну, зачем вы так? – возмутился Фонарик на батарейках. – Каждый из нас для чего-то ещё может сгодиться.

– Верно! – откликнулся старый Зонт. – Хотя я слегка выцвел и потерял прежний лоск, но даже меня в прошлом сентябре Хозяйка брала на прогулку. Она купила новый зонт, но тот оказался плохого качества. При первом же испытании ветром у него сломалась спица. То ли дело – я!

– А я, например, отличного качества! – вмешался в разговор надувной Матрас. – Но пользуются мной почему-то редко. – И Матрас обиженно выдохнул обиду через маленькое отверстие в боку.

– Не обижайся! – Чайник поддержал резинового товарища. – У хозяев нет надобности часто тебя надувать, потому что, кроме тебя, у них есть деревянные кровати. Но подожди, вот наступит лето, и тогда…

– Совершенно верно, наша участь – ждать! – оптимистично воскликнул Фонарик. – И не отчаиваться!

Однажды дверца чулана скрипнула, и все замерли в напряжённом ожидании – кому-то повезёт на этот раз?

Подперев бока руками, хозяйка в некоторой растерянности остановилась перед шкафом.

– Не забудь взять Чайник! – крикнул муж.

– Зачем на море Чайник? – удивилась жена.

– Чтобы кипятить на Примусе чай!

Море? Хозяйка сказала «море» или ему послышалось? Нет, этого не может быть!

Хозяйка тем временем сняла с полки надувной Матрас, повертела в руках Фонарик, прижала к груди Примус… Подержав в руках Калоши, постояла немного в раздумье и вернула резиновых двойняшек на место.

– Пожалуйста, возьмите меня на море! – крикнул Чайник что есть сил, и, кажется, его услышали.

Хозяйка подхватила посудину за одну единственную ручку и поставила на кухонный стол.

Чайник зажмурился и чихнул – он давно не видел такого яркого, всепроникающего солнечного света! Вот она, любимая кухня, в лучах обеденного солнца! Старик огляделся по сторонам… М-д-а-а, здесь всё по прежнему: на столе – старая Перечница, изъеденная острым кухонным ножом, деревянная Доска, горделивая Салфетница, возомнившая себя чуть ли не папкой с документами, заварной чайник – младший брат старого Чайника. Он всё в той же красной рубахе с белым горохом… Господи, как же Чайник по всем соскучился! Чайник прикрыл глаза и счастливо улыбнулся.

– А вдруг Хозяин забыл взять с собой насос, и я останусь плоским, как сушёная вобла?! – волновался Матрас.

– Когда наступит ночь, я обязательно пригожусь! – восклицал Фонарик. – Во мне столько нерастраченного света, что я могу делиться им с окружающими днём и ночью.

– Я очень надеюсь, что завтра увижу море, – тихо сказал Чайник и, громыхнув крышкой на подвернувшемся ухабе, предался мечтам…

Море!

Такое количество воды Чайник видел впервые! Она не стекала тонкой струйкой из носика крана, как это случалось на кухне, не плескалась в его чреве, заполняя на две трети, не капала звонкими

каплями с карниза во время дождя. Вода растекалась голубой лужей до самого горизонта, белым молоком кипела у самого берега, шипела и выла, разбиваясь о прибрежные камни, глухо стонала, вздымая новую высокую волну.

– Представляю, каких размеров нужен чайник, чтобы вместить такое количество воды! – восхищённо воскликнул старый Чайник.

– Глупец! – заскрежетали Плоскогубцы. – Морская вода – не для чайников. Она солёная и пить её нельзя.

– Ой, смотрите – чайка! – закричала Хозяйка.

Что? Где? Какая чайка? А кто это – чайка?

Чайник огляделся по сторонам, но, кроме синего моря, синего неба и парящей над ним белой птицы, ничего не увидел.

– Здесь много чаек, – отозвался Хозяин и показал рукой в сторону мыса.

И тут Чайник догадался! Чайка – это та самая птица, что ловит потоки морского воздуха и пронзительно кричит с высоты, приветствуя окружающий мир!

– Чай - ник, чай - ка, – по слогам произнёс Чайник и глубоко задумался…

Вдруг новая догадка озарила его железную сущность! Да-да!

Эта белоснежная птица и он, Чайник, – ближайшие родственники!

– Вскипяти чай, дорогая, а я пока надую Матрас.

– Что общего между мной и этой птицей? – вскипая, размышлял Чайник. – Птица умеет летать, а я не умею. У чайки есть нос, и у меня тоже, но этого факта недостаточно, чтобы оказаться роднёй…

За размышлениями он не заметил, как наступила влажная тёмная ночь.

Матрас, надутый и важный, точно воздушный шарик во время праздника, торжественно вполз в палатку, осознавая всю значимость момента. Дорожный Примус, как и Чайник, давно остыл, и теперь сладко посапывал под слаженный хор цикад. И только Фонарик, привыкший к ночному образу жизни, с любопытством осматривал прибрежные кусты, провожая восхищённым светящимся взглядом, ночных мотыльков и небольшую змею, заползшую в расщелину между камней.

– Только бы раньше времени не сели мои батарейки! – волновался Фонарик.

– Не переживай, хозяева взяли запасные, – зевая, отвечала Кастрюля.

Забрезжило утро…

Проснувшись раньше других, Чайник открыл глаза и увидел спокойную гладь воды. Солнечный шар, блестящий и розовый, словно леденец, выкатывался из-за горизонта. Едва заметные белые облака разбежались по небосводу. Несколько чаек кружили над поверхностью воды, высматривая рыбу.

– Как бы я хотел стать птицей! – размышлял Чайник. – Тогда бы я мог навсегда поселиться на берегу моря.

И вдруг он догадался, что общего между ним и этими прекрасными птицами! И чайки, и он, Чайник, одинаково любили морскую стихию – ту, что бурлит, дышит, кипит и движется, словно живая! И эти белые облачка над водой – будто пар из кипящего чайника, а горячий песок – словно раскалённый Примус!

– Ого, а чайник-то наш разухарился! Даже засвистел, – рассмеялась Хозяйка.

– Странно, – откликнулся Хозяин. – Свистка нет, а свистит.

А чайник всё свистел и свистел, и не мог остановиться! А чайки кричали, и море билось о скалы, и скалы отвечали морю гулким басом…

Хозяйка тщательно упаковывала вещи.

– Удивительное дело, – сказала она мужу. – Чайник не хочет влезать в багажник.

– Может быть, оставим его здесь, на берегу? – предложил муж. – Посмотри, какой он закопчённый и невзрачный, зачем он нам?

Хозяйка на минуту задумалась:

– Почему-то жаль оставлять его здесь.

И Чайник почувствовал, насколько он благодарен Хозяйке за то, что она не сказала «бросить на произвол судьбы».

Наконец, Чайник пристроился между Примусом и коробкой с продуктами. Он покидал море с лёгким сердцем! Он знал, что вернётся сюда непременно, потому что здесь живут его близкие родственники – белокрылые чайки…

Он знал наверняка, что старый друг Примус никогда его не оставит, и что делить полку шкафа приходится порой не только с порядочными вещами (такими, как Фонарь или Проигрыватель), но с Плоскогубцами и Кастрюлями. А что делать? Се ля ви!

И пусть он не слишком молод, и эмаль на боках облупилась, но он всё ещё кому-то нужен! Потому что пока внутри тебя кипит, бурлит и плещется море, ты –жив!..

– Ты правда ездил на море? – подозрительно спросила старая Перечница.

– Ты действительно видел море? – прогундосил Чайник со свистком.

– Мы по тебе скучали! – хором закричали Калоши.

– А какое оно – море? – тихо спросил младший брат, заварной Чайник.

– Море – оно почти такое же, как у тебя внутри. Море – чайного цвета, – ответил старый Чайник и надолго замолчал.

Он был неважным рассказчиком. Потому что, если всем рассказывать о самом сокровенном, то оно теряет свою силу, значимость и потаённый заветный смысл.

Марина Ламбертц-Симонова
Дипломант

Почему у улиток нет... улья

Когда-то, очень давно, все улитки жили в улье.

Улей считался их общим жилищем, где им было тепло, уютно и спокойно. Улей защищал улиток от непогоды и от врагов, ведь у улиток нет никакой одежды, тем более зимних шубок и шапок.

Но для того, чтобы жить всем вместе под одной крышей надо уметь дружить, помогать друг другу, сочувствовать и жалеть, если кто-то попадёт в беду. А улитки от природы были очень хладнокровными, и каждая из них заботилась только о самой себе.

Но всё было хорошо до того времени, пока улей отапливала печка. Только ведь в печку надо было постоянно подкладывать дрова, принося их из леса. А улитки быстро перестали это делать. Ведь каждая из них думала: «А почему именно я должна этим заниматься, а не моя соседка?» А эти мысли очень-очень заразные, они передаются даже на большом расстоянии, а ведь улитки жили так близко друг от друга.

И скоро даже самые трудолюбивые, и как будто даже очень умные улитки перестали приносить в

дом веточки и хвоинки, которые служили дровами для растопки печки в улье, решив что за них это сделает кто-то другой…

И однажды печка… остыла. Но все ощутили это только тогда, когда наступила зима. А Улитки ведь не могут ползать по снегу, вы же знаете. Хотя было ещё не всё потеряно: ведь можно даже в самую лютую пору прижаться к друг другу и согреть близких своим собственным теплом, не правда ли? А вот улитки, наоборот, отодвигались друг от друга подальше, ведь каждая из них думала: «А почему это я должна делиться своим драгоценным теплом с кем-то? Что я дурочка? Пусть другие меня греют, а я посмотрю, как это будет выглядеть!» А выглядело, скажу я вам, всё это очень неприятно: ведь постепенно все улитки стали покрываться мокрой, дурно пахнущей… слизью… И при этом каждая считала: «Фу! Какая у меня неприятная и неопрятная соседка!» Ведь в улье не было зеркал, и никто не видел сам себя…

Хорошо ещё, что зима в том году выдалась не такая морозная, и некоторым улиткам удалось её пережить… Но воспоминания об улье были такими жуткими, что больше никто не захотел в него возвращаться, и тогда улей занял очень дружный и хорошо организованный народ.

И вы все прекрасно знаете, что это… пчёлы!

Правда, улиткам от этого не стало хуже: у них появились собственные, хотя и совсем крошечные домики-ракушки, куда они прячут свои не слишком красивые тела от посторонних глаз. Ведь они так и остались с той поры очень и очень… склизкими… и далеко не всем по вкусу… Хотя как сказать: есть любители, которым эти существа по нраву, вернее, по… вкусу…

Но зато, когда какой-то зверь или человек ведёт сомнительный образ жизни, не спеша в трудную минуту на помощь близким и никого никогда не согревая, прячется в свой дом-ракушку от любых гостей, то про него говорят, что он «холодный и скользкий, как… слизняк!».

И все понимают, о ком идёт речь!

Домик улитки

У маленькой Улитки был свой собственный домик. Многие лесные обитатели ей очень завидовали. Ещё бы: ведь у этой Улитки был не просто собственный дом, стоящий где-нибудь на лесной опушке, а дом, который мог… двигаться! Причём он мог двигаться именно туда, куда хотела его хозяйка. А это так похоже на сказку, о которой все могли только мечтать!

– Надо же! – судачили между собой пауки. – Наверное, Улитка – колдунья и знает какую-нибудь

волшебную присказку! Например: «Избушка-избушка, ступай, куда я тебе прикажу!» – ну а как же иначе дом может… двигаться? Так что она точно не просто колдунья, а злая ведьма! Видели – у неё даже… рога растут на голове?

– Я тоже хотел бы знать такую волшебную присказку! – завистливо сказал Навозный Жук. – А то вот копаюсь целые дни… сами знаете где, а о собственном доме даже мечтать не могу!

– А я, – сказала Птица-Синица, – много времени строила гнёздышко, причём не одна, а вместе с мужем! Кто бы знал, каких нам сил это стоило! И при этом наш дом постоянно требует ремонта и новых строительных материалов!

– Я тоже сначала сидела в коконе, – вступила в разговор мохнатая зелёная Гусеница. – Но должна была его покинуть, хотя моё тело покрыто такими красивыми пушистыми волосками, а Улитка такая противная, мокрая, склизкая…

– А как только кто-то из нас приближается к ней, – вступил в разговор рыжий Муравей. – Она тут же прячется и закрывает перед нами двери. Наверняка это неспроста! Я слышал – этот дом достался ей в наследство ещё при рождении! Да, живут же некоторые! А тут трудишься-трудишься от зари и до зари, а мыкаешься в… общежитии. А ведь я нахожусь на службе у самой… королевы!

– Улитка точно скрывает какую-то тайну! – чирикнул Воробей. – Честным трудом такой прочный дом не построишь! Точно! Точно! Здесь что-то нечисто!

– Послушайте: она даже в гости никогда к себе не приглашает! – обиженно прошипела Змея. – Мы не должны больше смотреть на это сквозь пальцы!

– Нам просто необходимо что-то предпринять! – сказал важный пузатый Червяк. – Ведь я хорошо знаю, что творится на земле! Одна сплошная несправедливость! Мы обязательно должны найти в этой… слюнячке какую-то… червоточину!

– У-ху! У-ху! Довольно закрывать глаза на правду! – ухмыльнулся Филин, который сидел на самой высокой ветке! – Я несу вахту всю ночь и вижу многое, о чём вы можете только догадываться…

– Ква-ква-ква! – поддержала его Лягушка, которую все очень уважали за то, что она умела громко квакать и прыгать выше головы. Поэтому на выборах именно она одержала победу и возглавляла комиссию по борьбе за справедливость! – Уж, конечно, её дом построен не на трудовые доходы! Можете поверить моему чутью! Знаем мы этих… слизняков! Да ещё… ква-стуется – носит свой дом повсюду!

– А давайте пошлём к Улитке домой комиссию и всё выясним! – предложил Червяк.

– Ква-жется ты прав! – квакнула Лягушка. – Это дело государственной ква-жности и его осилит не ква-ждый, поэтому я отправлюсь к Улитке на… ква-ртиру сама!

И Лягушка запрыгала по направлению к домику Улитки, а все захлопали в ладоши и стали ждать результата проверки.

Через некоторое время она вернулась.

– Главное – вовремя раскрыть… ква-йну, товарищи. И освободить незаконно занятое жильё! Теперь вот дом улитки пуст и принадлежит… народу! О-квазывается, улитки не такие уж противные существа, как ква-жется на первый взгляд, – громко квакнула она, довольно погладив себя по животу. – Во всяком случае хозяйка больше никогда не появится в своём… ходячем доме!

И все отправились осматривать дом Улитки. А по дороге успели даже перессориться, так как не могли решить, кто займёт такое чудесное жилище. Но очень скоро рыжий Муравей, который обнаружил пустой домик первым и успел даже пройтись по узенькому коридорчику, сообщил, что это всего лишь… дырявая тонкостенная ракушка… А главное: она никуда не может двигаться, сколько бы ей не приказывали…

Трещина

К Нике в гости часто приходили ее подружки Аня и Рита. Они вместе играли в разные игры, секретничали и пили чай с малиновым вареньем. Однажды, когда весь чай был выпит, Аня сказала:

– Посмотри, Ника, какая ужасная трещина у вас на потолке!

– Да, Ника, – сказала Рита, доедая малиновое варенье. – Чашечки в нашем доме куда красивей и дороже!

– И вообще, Ника, – добавила, скривив губки, Аня, – твои родители могли бы купить тебе платьице и помоднее!

И Нике вдруг стало очень-очень грустно. Она взглянула на потолок и увидела, как узенькая трещина беззвучно хохочет, раскрыв зубастый рот, и от этого становится еще шире…

Прошли несколько дней, и зубастая трещина куда-то исчезла. Возможно, ее просто заделали и побелили потолок. А может, она переселилась куда-нибудь на новое место, поближе к другим людям, точно не знаю.

Но во всяком случае я больше не видела, чтобы Ника, Аня и Рита вместе так же дружно играли, секретничали или пили чай с душистым малиновым вареньем.

Сказка про гусеницу

Захотелось гусенице иметь красивое цветное платьице, потому что ей очень надоело в зеленой рубашонке ползать. В этой одежде она совсем не нравилась никому из растений, и все от нее отворачивались и прятали свои сочные листочки и стебельки.

Вот пришла она в гости к ёжику и говорит:

– Сшейте мне, пожалуйста, новое платьице и чтобы обязательно с оборочками, рюшечками и крылышками.

А Ёжик отвечает:

– Я бы и рад, но у меня нет ниток, хоть и действительно очень много иголок.

– Ах, что же мне делать? – заплакала гусеница. – Ведь я так мечтаю о новом красивом платье! Наверное, придется мне пойти к пауку и попросить у него связать мне новый наряд. Ведь у него так много ниток, из которых он плетет чудесные паутинки.

И она уже хотела ползти к пауку, когда вдруг получила телеграмму от Солнышка. Это был длинный лучик, на котором золотыми буквами было написано: «Милая Гусеница! Не ходи к Пауку, а лучше побольше кушай и подольше спи, и тогда у тебя обязательно появится новое замечательное платьице с

оборочками и крылышками – только наберись терпения!»

Гусеница послушалась и сделала все так, как посоветовало Солнышко.

А однажды, когда она пораньше легла спать в свою уютную постельку и сладко уснула, ей приснился чудесный сон: как будто она – маленькая прекрасная принцесса, и все цветы восторгаются ею и хотят с ней дружить.

А когда она проснулась и посмотрела на себя в капельку росы, которая служила ей зеркальцем, то сама себя не узнала – такое на ней теперь было красивое платьице с крылышками и оборочками. Она так обрадовалась, что даже взлетела в воздух и долго кружилась над цветами, которые восхищались ее замечательным нарядом и угощали сладким душистым нектаром.

Юрий Табачников
Дипломант

Престиж Эдема

Творческому человеку необходимо вдохновение. Максим находил его в музеях или в картинных галереях, куда приходил незадолго до их закрытия, когда минимальное количество посетителей не отвлекало от общения с полотнами. Когда можно было практически одному общаться с тем, что привлекало и задевало его. Вот уже дня три подряд садясь за письменный стол, не мог заставить себя писать. Не о вдохновении речь. Хотя уже знал что, как, и о чём будет текст. Но что-то не давало сосредоточиться на работе. Словно кто-то цепкой рукой держал душу, не давая ей свободно дышать. Вот и сейчас, оставив недописанную рукопись, Максим покинул свою маленькую квартиру. Надвигающиеся ранние осенние сумерки, как не парадоксально, вдохновляли его, освобождая от накопившегося за день груза сомнений в себе перед теми, кто, возможно, никогда и не увидит то, о чём он так мучительно пытается рассказать. О той внутренней боли, без которой немыслимо любое творчество. Его правде, терзаниям и мучительным сомнениям, которые, как всё же надеялся, нужны тому – пусть

единичному читателю, чьё созвучие даст уверенность того, что не зря изводил он себя бессонными ночами. А может, зря? Сомнения – это то, что заставляет сопротивляться мозг обыденности через страх подойти к черте и возможно решиться перешагнуть через неё. Либо… раствориться в ней. Но уж если вступил на этот зыбкий путь, то должен дойти. Куда? Это не так и важно. Чушь, что за желанием сказать, написать музыку или картину через муки и страдания стоят лишь амбиции и жажда славы и денег. Амбиции проходят очень быстро. Деньги? Так сейчас не тебе, а ты в большинстве случаев должен оплачивать издания, когда напечатать что-либо перестало быть проблемой при наличии денег. Предложений Максиму поступало немало. Но игра в поддавки не увлекала его. Кому нужна пустая, проплаченная ерунда? Макулатура только для собственного самоудовлетворения. Он этого не хотел и принять не мог. Но и написать то, что хотел, тоже пока не мог.

В картинной галерее, как и ожидал, было почти пустынно. Лишь несколько человек, скучающе «убивая» время, бродили вдоль зала, да привыкшие ко всему опрятные старушки-работницы, наблюдавшие за ними с «вековой» усталостью.

Максим прошёл в зал современного искусства. Медленно шёл по залу погружённый в свои мысли и вдруг остановился. Странная картина привлекла

его чем-то неправильным. Пытаясь проникнуть в замысел художника, стал пристально вглядываться в полотно. Нечто, несмотря на банальный, напоминающий Эдемский сад и благостность общего фона, разрушало пропорции и рушило приторность сюжетной композиции. Ну да, конечно. Длинный, уводящий в глубину пространства, туннель словно разделял полотно и, как будто притягивая, втягивал зрителя в жерло бесконечности. Время словно остановилось. Максим подошёл ближе, протянул к полотну руку и… ощутил гладкую, сырую поверхность стены и неудержимое желание идти по открывшемуся для него пути туда, вперёд, к чуть мерцающей в дали точке света. Даже не осознавая зачем и для чего шёл. А коридор расширялся, становился просторнее. Вдруг небольшая ниша осветилась мягким матовым светом и из неё вышел невысокий полноватый человек в сером хитоне. Громко, чихнув, недовольно произнёс:

– Вообще-то, культурный человек мог бы и здоровья пожелать.

– Будьте здоровы, – смущённо, но совсем без испуга, словно всё это в порядке вещей, произнёс Максим.

– Другое дело. А то работай, сопровождай. А слова доброго и не дождёшься, – проворчал человек. – На экскурсию али как?

Максим опешил.

– Да я… я…

– Ладно, не тушуйся. Всяко бывает. Я Пётр. Иногда святым зовут. Не я себя так назвал, но раз считают, пусть так и будет. Чем я хуже лауреатов там разных? Не хуже. Ключи от Рая хоть сейчас таскать ненадо. Тяжелы они, а силы уже не те. Благо цивилизация и до нас докатилась. Вот электронный «чип-код» В карман сунул и всё. Облегчение старику.

– Так вы… э…

– Да, страж ворот Райских. Рай – он там, за стеной. А вы-то, земные, и не подозреваете, – хихикнул Пётр. – Невдомёк вам. Эх, многое невдомёк. Пошли что ли?

– Куда?

– По туннелю прогуляемся. Я тебе небольшую экскурсию проведу. Немного. К свету не пойдём, затянет. Но у нас тут искусственный есть. Цивилизация. И никакого дарвинизма. Не бойся. Коль время ещё не твое, туннель отпустит. Нам лишние не нужны. И так переизбыток душ, ох, переизбыток. А что делать, не утилизировать же? По нескольким кругам тебя проведу.

– Постойте… круги, это что – как у Дантэ?

– Что там Дантэ? Плагиатор тот ещё, ну да ладно. Не буду. У него про Ад, а у нас Рай. Понимать надо. У них свои круги, а у нас свои. Хотя… особой разницы нет. Техническая разве. А по сути… Лад-

но, пойдём. Что-то давненько у меня экскурсанта не было. А ты, значит, писать пытаешься. Пытайся, пытайся. Многие пытаются. А о чём? Всё об одном и том же?

– Неважно, – возразил Максим, сюжеты, возможно, и не слишком изменились за века, но важно своё отношение.

– Ну, да, своё, – не стал возражать Пётр. – А что вы знаете об этом своём? Да ничего. Вот посмотри, – незаметным движением он открыл в стене панорамное окно. – Прогресс. Это как у вас рентген, что ли. Но покруче.

За открытым пространством предстала площадка в россыпи разноцветных цветов, по которой расхаживали люди, или, скорее, души с золотыми лавровыми венками на головах.

– Вот они, – хитро улыбнулся Пётр, – наши лауреаты, дипломанты, академики всех воздушных академий, медалисты всех межпланетных творческих конкурсов.

– И что, они это всё заслужили?

– Ну, – смутился Пётр, – и у нас время настало такое. Прогресс. Раньше иначе было. Да и грехи наши и Адовы иногда так близки, что и не знаешь прямо. М-да. Но, если решишь остаться, то поверь – тебя на всех райских форумах опубликуют. Медалей наштампуем – гарантирую. Это не проблема. Всю грудь завесишь. Останешься? Лауреатом будешь, не сомневайся.

– Я думаю, вернее, знаю, что главное – писать честно, не врать самому себе. Пусть выходит хуже или лучше, но честно.

– Ха, – проскрипел Пётр. – И что? Многого ты своей честностью добился? Нигде не печатают. Ни одной премии или захудалой грамотки. Так чего ты добился? Что после себя оставишь? Глянь в окошко. Они счастливы. Под медалями головы к облакам цветочным гнутся. Венки, опять же, золотые. Высшей пробы. Ведь признайся себе – что лучше, чем жизнь земная.

– Один из самых больших грехов, что губят творчество, – упрямо произнёс Максим, – тщеславие. Тогда ты совершенно безразличен читателю, компенсируя это самолюбованием.

– Глупости. И где только ты этого нахватался? Посмотри внимательно – хоть одно грустное лицо видишь? Они счастливы. Они в Раю.

– Это мираж, – не сдавался Максим, – кривое зеркало, не более. И если оно разобьётся, они окажутся в осознании своей пустоты и ненужности. В полной духовной пустоте. Ведь и у душ, наверное, должна быть духовность?

– Э, турист, много эта духовность дала? Вот на себя посмотри – мучаешься, мечешься, страдаешь. Смотреть больно. Ну да ладно. Ещё есть время, может, одумаешься. А то до срока сам себя уже в Ад определил. Негоже это.

– Пусть так. Но это мой Ад, моя жертва.

– Ой, ой, – всплеснул пухлыми руками Пётр, – слова-то какие! Жертва!.. А зачем? Ради чего? Прими правила и... важно ведь не то, что ты хочешь сказать, а что о тебе скажут. Сейчас, при жизни. Ели есть шанс, то прославят и вознесут. Правда, иногда и уронить могут. Но с нашей помощью, это не часто.

– Постойте, – Максим облокотился о стену, – вы хотите сказать, что ложь и эгоцентризм в Раю не грех?

– Грех? – Пётр рассмеялся. – Это вы его придумали, чтобы манипулировать самими собой. Поиски истины – скажешь. Угадал? А что это такое – никто так и не дал ответ. Ответь себе честно – ну кто хочет тебя услышать, понять? Возможно – принять? Молчишь? Каждый земной думает только о себе. Даже фанатики идут на смерть ради славы среди таких же идиотов. А что добро или зло – давно решают за вас. Есть кому, ты уж поверь.

– Но, я так не хочу.

– Не хочешь, тогда будешь прозябать в своей холодной квартирке, питаться концентратами и разрушать себя сомнениями. А вот если согласишься отдать...

– Душу?

– Зачем так буквально? – Пётр потрепал Максима по плечу. – Можно просто завещать нам… ну, скажем, взгляд на своё видение творчества. С правом реализации в Раю. Чем плохо? Заманчиво ведь? А мы дадим тебе вполне земной безвозвратный кредит. За эти деньги тебя напечатают тысячи изданий. И самые престижные. Станешь орденоносцем и, возможно, мирового масштаба. Ты ещё раз в окошко погляди, да погляди же. Вон справа – в сторонке сидят душ десять. Венков нет, головы понурили. Это, голубчик, те, кто решил отказаться от наших райских благ. Райские, так сказать, диссиденты. Этапом пойдут. В Ад. У нас всё должно быть на уровне. Престиж Эдема никто не отменял.

– Так чем тогда вы отличаетесь от Ада?

– Прохладней у нас. Приятней. Для тех, кто принимает правила игры. Нашей игры. Ты ещё в Аду не был. Так, на пороге. Так что – помочь оформить кредит? Ну подумай-подумай. Время у тебя ещё есть, но оно быстро проходит. Ох, как быстро. Пойдём по кругам дальше?

– Нет, – Максим утёр сухой ладонью холодный пот со лба. – Расхотелось.

– Это ты зря. А Ад или Рай только в тебе самом. Мы поможем, но выбирать только тебе. Если что, возвращайся. – Пётр закрыл пультом окно. – Пой-

дём выведу. Пока, видать, ещё не твоё время. Но не тяни, а то поздно будет. Иди за мной.

– Молодой человек, галерея закрывается.

– Да, извините, – очнулся Максим. – Спасибо.

Резко повернулся к картине спиной и, как бы ощущая её пронзительный взгляд в спину, поёжился, затем, гордо расправив плечи, пошёл к выходу. Туда, где брели под лёгкой моросью люди, мчались машины, звали во временный уют небольшие кафе. В свою, возможно, не очень комфортную небольшую квартирку. К столу, к полупустому холодильнику, к исписанному листу бумаги, который ждёт и которому нельзя соврать даже ради всех «райских благ».

Гулливер сегодня

Евгений Прудченко
1 место

Непротивление

Из всех в веках прославленных чужбин
я – самый чужеродный гражданин –
что в стену вбитый гвоздь – не мельтешу,
то тень, то привидение, ношу
слова свои в глубоком рюкзаке,
пишу на одиноком языке
здесь гимн непротивления тоске.

Готов я превратиться в каланчу,
я видеть дальше кормчего хочу.
Сам по себе – степенный великан –
хожу к медведям в гости и к волкам.
Зайти к тому же, кто меня растил,
не нахожу ни времени, ни сил,
хоть, кажется, весь мир исколесил.

С претензией живу, не мышь, не крот,
из привилегий – лишь разинуть рот.
В какую пустоту ни забреду,
везде – «непротивление добру!»

Поскольку посчастливилось живьем
протиснуться в движения объем, –
сидим в обнимку с трением, и ждем.

У времени, как жизни, – дважды два –
два двигателя – жажда и вражда.
Я к первому привык, второй же, он
к нелегким испытаньям полигон.
Да не дано то будет испытать,
должна быть на земле другая рать!
с которой и не страшно умирать.

Марина Ламбертц-Симонова
2 место

Гулливер

Торопятся темы большого романа
И манят читателей в разные страны,
В страну Великанов, в страну Лилипутов,
По тем неизведанным, важным маршрутам,
Что пищу для мыслей нелегких дают;
Как трудно избавиться людям от пут,
Навязанных душам их трепетным извне,
И как леденит их сердца зябкий иней,
Когда они странствуют в мире абсурда,
Где самым талантливым, добрым и мудрым
Порою всего два шага до беды:
Над ними вершат лилипуты суды;
И с этим насилием трудно бороться,
А в море неистовых тем и эмоций,
В разгуле стихии всех бед штормовой –
Нигде Гулливер не находит покой,
Хотя он его так старательно ищет…
Но в мире безумном, где зрелищ и пищи
Гораздо сильнее, чем правды, хотят,
Кто может создать новый жизни уклад,

Когда красота, милосердие, разум,
Родившись едва, изгоняются сразу
И гибнут, столкнувшись с безудержным злом;
И рушится мир, обделенный теплом.
Неважно – какой угол зрения выбран,
И видятся войны – кровавые игры,
Которые алчным политикам ближе,
А выше они Гулливера иль ниже –
Практически роли вообще не играет...
И автор героя домой отправляет,
Который в ролях четырех побывал,
И как бы он не был велик или мал,
Не смог он природу людей изменить...
И Свифт протянул эту красную нить
Нам – тем, в ком еще есть
хоть капелька Веры,
В себе сохранившим черты Гулливера.
Как? – Это, пожалуй, лишь богу известно,
Немного наивным, но добрым и честным!

Вера Сытник
3 место

Побег из-под сетки

Дельтаплан летел на восток.

Оранжевый свет таял, отступал перед надвигающейся темнотой. Солнце садилось за горы. Они дугой горбатились на берегу залива, защищая его от ветров. За спиной у Дана журчал мотор, обещая доставить летательный аппарат и его хозяина на другой берег залива, где в домике среди желтеющего леса собралась компания любителей полётов через залив. Ребята приземлились и наверняка занялись ужином, поглядывая в окно в ожидании командира. А он не спешил на землю. Внизу серебрилось море. Дан убрал руки с трубки управления и раскинул их в стороны. Свобода! Как он любил эти воскресные полёты, когда можно было не думать об автосалоне, где он работал главным менеджером. Впрочем, грех жаловаться. К сорока годам успел стать первоклассным автомехаником, обзавестись жильём, «Тойотой» и дельтапланом. Жены не было, но он не переживал.

Описав полукруг над лесом, Дан приготовился к снижению. Среди деревьев виднелся широкий двор и фигурки товарищей. Тёплый осенний вечер

обещал приятное продолжение в виде трапезы. Внезапно дельтаплан встряхнуло. Дан ухватился за подлокотники. Только успел это сделать, как дельтаплан закружился, уносимый потоком воздуха в сторону от берега. «Дело дрянь», – пронеслось в голове. Редкий в этих местах ветер, пролетев над горами, обрушился на залив. Через мгновение уже нельзя было различить где берег, а где море. Звука мотора не стало слышно. Только адский свист ветра, промозглость тумана и серое марево. Нельзя было разглядеть даже крылья дельтаплана. Конструкция не выдержала. Парус лопнул, издав треск раздираемого полотна. Ветер вырвал из рук подлокотники, порвал ремень безопасности. Дан почувствовал, как его куда-то понесло и завертело, переворачивая с боку на бок, вверх ногами. Каждую секунду он ждал удара о землю или о поверхность воды, но его всё несло и несло в неизвестном направлении. Сознание временами отключалось.

Очнулся от того, что ощутил на своём теле струи холодной воды, пахнущей химией. Кислотный дождь? Или упал в море, в нефтяное пятно? Дан открыл глаза и увидел себя лежащим на сетке, натянутой над городом. Да, это был незнакомый город. Дан хорошо знал побережье, но не видел ничего подобного. Сетка, натянутая в метрах пятидесяти от земли! Многоэтажные дома соревновались друг с другом в высоте, улицы разбегались в разные

стороны. Всё это Дан умудрился разглядеть, потому что лежал лицом вниз.

Он с трудом перевернулся на спину и обнаружил, что его поливает из шланга мерзкого вида мужчина. Очкастый, зубастый, рукастый и… подумалось, хвостастый, ибо сзади у мужика что-то топорщилось чуть пониже спины. Одет он был в землистого цвета униформу, на голове болталась фуражка. Шланг тянулся от огромного баллона. Дан перекатился подальше. Однако мужик упрямо продолжал бить в него струёй воды, целясь попасть в лицо.

«Мерзавец», – одними губами произнёс Дан. Мужик, как ни странно, услышал и увеличил напор воды. Чувствуя, что захлёбывается, Дан снова перевернулся на живот. Сетка была мелкого плетения и слегка пружинила. Отдышавшись, Дан сначала встал на четвереньки, потом сел. Одежда болталась клочьями, второй ботинок отсутствовал.

Водомётчик выключил воду и подошёл поближе.

– Где я? Какого лешего ты лил на меня эту гадость?

– На всякое тело, упавшее с неба, нужно лить воду. Таков закон, – клокочущим басом произнёс мужик.

– Но я не космическое «тело»!

– Неважно. Упал с неба, получай порцию дезинфекции. Вставай, пошли вниз.

Мужик расстегнул у себя под ногами сетку и выбросил вниз невесть откуда взявшуюся лестницу, сплетённую из бинта.

– За мной, – сказал он и начал спускаться.

– Не оборвётся?

– Не боись. Хоть и одноразовая, но двоих выдержит.

Дан с опаской последовал за мужиком. Лестница была лёгкой, поэтому колыхалась из стороны в сторону. На полпути к земле оборвалась правая её сторона. Пришлось спускаться по левой, как по канату. Очутившись на тротуаре, мужик спичками поджёг остатки лестницы. Заметив недоумённый взгляд Дана, пояснил:

– Чтобы никому не вздумалось убежать. Или спуститься без моего ведома.

– Ты хочешь сказать, – удивился Дан, – что это единственный вход-выход?

– Город обнесён такой же сеткой. Она пропитана дезинфицирующим средством сильной концентрации. Плюётся отравой. Так что – выход и вход только с моего разрешения.

– Это что, игра такая? Типа покера?

– Игра! – фыркнул мужик и знаком позвал Дана за собой.

Они сделали несколько шагов и подошли к ржавому покорёженному троллейбусу, который стоял,

опустив железные усы, посреди пустой улицы. Город погружался в темноту. Нигде ни огонька!

– Холодно! – поёжился Дан. – Мне бы переодеться.

– Погоди…

– Каковы правила игры? – настаивал Дан.

– Правила устанавливаю я, и меняю их, когда захочу.

Дан остановился и оторопело смотрел на мужика, стараясь понять кто перед ним: сумасшедший, актёр, больной человек? Словно угадав его мысли, мужик произнёс:

– Я – Гангут Первый.

Он тоже остановился, приосанился и топнул три раза вытянутой вперёд ногой.

– Из какого театра? – Дан рассмеялся.

– Это ты скоморох, по небу летаешь. А я – Гангут Первый. Глянь!

Он повернулся к Дану спиной и указал пальцем на то, что топорщилось у него ниже пояса.

– Видал? – самодовольно спросил Гангут Первый. – У всех тридцать два–тридцать четыре позвонка, а у меня тридцать восемь. Вишь – выпирает. Он у меня вроде навигатора. В какую сторону повернёт, туда и иду, и всегда нахожу что-нибудь интересное, что потом пригождается в работе. Сегодня неожиданно вверх задрался. Ну, думаю, не иначе кто-то с неба свалится. И точно. Теперь ты – моё приобретение, будешь при мне авиатором. Я видел, как

рядом с тобой летали крылья. Соорудишь мне такие же. Кстати, чтобы ты знал. Я с помощью лишних позвонков руковожу городом, народом. Люди чувствуют мою исключительность и подчиняются. Что скажу, то и делают.

– Да это ж атавизм, твой нарост! Смехота.

– Не веришь? Смотри сам.

Он заскочил на водительское место, нажал на кнопку. Дверь в салон со скрежетом открылась.

– Ну? Чего стоишь?

Дан поднялся по ступенькам и поразился тому, как изменились размеры троллейбуса. Со стороны он казался обычным транспортным средством, непригодным для перевозки пассажиров, а внутри был похож на станцию метро. Повсюду стояли застывшие фигуры людей в нелепых позах. Старик с бородой, видимо, хотел сесть на скамейку, да так и завис в полусогнутом положении. Парень с метлой в руках занёс ногу на лестницу и замер. Женщина с ребёнком в рюкзаке, похоже, зевала, когда неведомая сила заставила её остолбенеть. Лицо малыша было перекошено от рёва, из носа текли застывшие ручьи. Люди были одеты по-простому, женщины в одинаковые серые сарафаны, поверх которых были накинуты суконные жилеты, и в картонные кокошники; а мужчины в синие тренировочные штаны и телогрейки. Цвет лица у всех был землистый, а глаза выпучены.

Гангут, водительское сиденье под которым странным образом трансформировалось в каменного гривастого льва с разинутой пастью, крикнул:

– Все они замерли по моему приказу! Захочу, разрешу двигаться. Нет, пусть стоят.

– Зачем это всё? – Дан разглядывал людей, силясь найти подвох. Может быть, тут снимают кино?

– Вот зачем, – ответил Гангут и спрыгнул со спины льва. Он стал ходить между застывшими людьми, дергать их за носы, за уши, за волосы, а с некоторых срывал одежду. Никто не шевелился. – Смотри! – кричал Гангут, надрываясь от гомерического смеха. – Как смешно! Я их щекочу, а у них только слёзы бегут, а двинуться не смеют! Кроме того, я могу проверить, что они носят в своих карманах. Вот, гляди – жевательные резинки, обёртки от них… обёртки от сосисок, остатки варёной гречки. А это что? Зубочистки?! Как ты посмел? – Гангут тряхнул кудрявого парня, у которого нашёл несколько деревянных зубочисток. – Ты знаешь, что зубочистки приравниваются к оружию? Бунт?!

Он свистнул. С громким лаем откуда-то примчались пять чёрных, непонятной породы собак, размером с овцу.

– В клетку! – рявкнул Гангут.

Собаки схватили несчастного и уволокли вверх по лестнице. Парень так и оставался недвижным, только глаза закрыл.

– Ты мне нужен, – как ни в чём ни бывало обратился Гангут к Дану, – чтобы построить самолёт. Хочу посмотреть что в мире делается, за сеткой.

– А если откажусь?

– Тогда…

Он свистнул два раза. Вместо чёрных примчались красные собаки ростом с телёнка и повалили на пол пять человек, захватив их головы в свои пасти.

– Если я прикажу, оторвут головы.

– Не надо! – Дан отшатнулся. – Я подумаю насчёт вашего предложения.

Гангут сделал знак собакам, и те отпустили головы людей, но схватили за ноги и уволокли вверх по лестнице.

– За что?

– У меня так: если попался собакам, то и – в клетку. Иначе зверьё навык утратит, нечего вхолостую бегать. Ну, пусть теперь остальные повеселятся. Смотри!

Гангут нажал на один из зубов в раскрытой пасти каменного льва. Раздался вибрирующий высокочастотный звук, от которого у Дана заложило уши. Зато весь перрон пришёл в движение. Люди засуетились, зашептались. Кто-то стал делать зарядку. Большинство же повытаскивали из сумок еду и принялись торопливо есть, не прожёвывая пищу, почти целиком глотая её.

– И что, они здесь надолго? – спросил Дан, окидывая жестом станцию метро. Почему никуда не едут? Поезд пустой стоит…

– На два часа. Я разработал график. Все жители города каждый день группами, каждая группа в определённое время, спускаются в метро. Я провожу с ними сеанс гангутотерапии. Те, кто прошёл три сеанса, получают звание гангутянин и могут не спускаться в метро, а ходить по земле.

– Выходит, вы не пользуетесь метро?

– Ни в коем случае. Говорят, там есть другие станции, никто не проверял. Под страхом смерти запрещено входить в вагоны и запускать поезд. Я запретил. Когда в молодости я обнаружил у себя лишние позвонки и развёл собак, я издал указ, запрещающий пользоваться метро. В городе есть несколько других входов, их завалили землёй. А этот оставили для гангутотерапии. Ну, довольно, надо привести всех в чувство.

Гангут три раза нажал на зуб льва, раздались три визгливых сигнала, и люди, кто чем занимался, кто что ел, так и застыли вполуприсядя и с кусками пищи во рту.

– С моей стороны это высшее проявление гуманизма – дать горожанам возможность отдохнуть от работы. Они валятся с ног, когда спускаются сюда. Продавать друг другу вещи, гоняя их из одних рук в другие, дело не из лёгких. А здесь постоят часик недвижно и оживают.

– Где же вы берёте гречку, жевательные резинки, если все заняты торговлей?

– В колодце. В центре, на площади, там полно продуктов. Кто их туда свалил и когда – неизвестно. Когда я огородил город сеткой по кругу и сверху, колодец уже был.

– Но он же не вечный?

– Поэтому я издал указ раз в день есть землю. В ней много минералов. Потом два раза. Когда все перейдут на трёхразовое питание землёй, колодец отойдёт мне.

– Ты тоже ешь землю?

– Зачем? – обиделся Гангут. – У меня омары консервированные. Зелёный горошек, ананасы. Полный бункер еды! Его охраняют вот эти…

Он кивнул в сторону плаката, который загораживали колонны. С плаката вниз смотрели белые собаки с горящими глазами и пенящимися пастями. Очевидно, для сравнения рядом с ними были изображены слоны. Собаки были чуть-чуть их меньше.

– Их у меня всего четыре. Жрут много. Для них-то и нужен колодец с продуктами.

В это время по неподвижному эскалатору на перрон спустилась фея. Иначе девушку назвать было нельзя. Точёная фигурка, пышные тёмные волосы, рассыпанные поверх шарфа, накинутого на плечи, глазища, глядевшие зло и надменно. На ней были лёгкое пальто, потёртые джинсы и кроссовки. Дан ко-

жей ощутил, как накалилась обстановка на перроне. Все люди, застывшие в нелепых позах, скосили глаза в сторону девушки и задышали взволнованно и глубоко.

– Царица! – елейным тоном произнёс Гангут.

Его лишние позвонки встали дыбом, на что девушка презрительно сказала:

– Как же ты мне опротивел, Гангут.

– Неподдающаяся, – обернулся Гангут к Дану. – Единственная не слушается меня, не ест землю и вообще – бунтарка! Мои гуманные принципы не позволяют отдать её собакам, однако, предполагаю, – тут мужик выразительно вперился взглядом в девушку, – предполагаю, что этим дело и закончится. Отдам собакам! Чтобы в секунду покончить с упрямством. Из-за неё не могу спокойно спать! Приходится постоянно думать, как заставить её замирать по сигналу и есть землю?

– Да хоть сейчас отдавай псам. Пусть растерзают. Всё лучше, чем глядеть на тебя.

– Зачем пришла, если не хочешь подчиняться?

– Посмотреть на поезд! Эх, если бы я могла отодвинуть дверь электровоза и сесть за руль! Помчалась бы вперёд, прочь от тебя и твоих собак! Но ведь ты запаял дверь! Негодяй.

Она сняла с себя шарф и подала его Дану.

– Возьмите, обмотайте ногу…

Она смотрела, не отходя, как он наматывает шарф. Дан, помня, что у Гангута прекрасный слух, незаметно показал девушке движением ладони, что у электровоза есть вторая дверь, и она наверняка… Как ни странно, девушка поняла. Её лицо наполнилось надеждой.

– Хотя бы загляну в окно, – сказала она и направилась в начало поезда.

– Всегда так, делает, что хочет! – нервозно крикнул Гангут и пошёл по пятам девушки.

Дан, улучив момент, когда мужик повернулся к нему спиной, спрыгнул с платформы и под поездом перелез на другую сторону. Действительно, дверь открылась. Увидев Дана внутри кабины, Гангут присел от неожиданности и разинул рот, чтобы с помощью двух пальцев засвистеть, но девушка успела засунуть ему в рот свою перчатку. Она прыгнула под поезд и через две секунды была в кабине. Дан включил зажигание. Поезд дёрнулся и поехал. Перрон поплыл назад. Дан и девушка успели заметить, как все люди вышли из столбняка и с радостью смотрели вслед уходящему поезду. Даже кто-то помахал картузом. Прошло пять минут, во время которых Дан и девушка с восторгом смотрели друг на друга.

– Но как мы выйдем? – спросила незнакомка. – Все станции завалены. А, даже если и выйдем, всё равно окажемся в черте города. Гангут всех собак поднял на поиски.

– Ни одно метро не строится без того, чтобы в нём не было ответвлений к шахтам, ведущим наружу. Никто не знает – насколько широко ваше и где заканчивается.

Они промчались мимо нескольких станций, унылых, пустых, и поезд остановился.

– Здесь, – сказал Дан. – Нюхом чую.

Перебрались на крышу электровоза и увидели вверху вход в шахту. Не раздумывая, полезли туда. Девушка впереди, Дан за ней, страхуя и помогая держаться на железной лестнице. Как Дан и ожидал, шахта вывела их на поверхность земли в районе леса. Был вечер. Пахло дымком близкого костра. Кто-то жарил шашлык. Дан огляделся и понял, что они находятся неподалёку от домика, где его ждали товарищи, любители полётов на дельтапланах. Взяв девушку за руку, он торопливым шагом направился в знакомую сторону, и вскоре они вышли прямо ко двору, где ужинали ребята.

– Дан! Ты? Тебя волки грызли? Где тебя носило? – послышались со всех сторон голоса.

– С тобой леди… Тут был такой ветрища!

– Потом, всё потом! А пока в душ и переодеться.

Дан стянул с ноги шарф и подал его девушке. Почувствовав тепло её рук, он понял, что ветер, поломанный дельтаплан, Гангут, старый троллейбус – всё это было нужно для того, чтобы почувствовать это прикосновение…

Фрида Шутман
Дипломант

Людка Гулливер

– Людка Гулливер пришла, берегись! – кричали мальчишки, разбегаясь во все стороны двора.

– Людка! А где лилипуты? – продолжали дразнить девочку наглые, но читающие дети.

– Сейчас я вам покажу! – Разъярённая Людка начинает гоняться за мальчишками. – Вы сейчас у меня увидите и лилипутов, и великанов!

Людка тоже любила читать, поэтому она прекрасно понимала о ком идёт речь. Её, конечно, обижало такое прозвище – Гулливер. Ведь герой романа Свифта был мужчиной… А она – женщина. Даже, если ей только 12 лет…

Девочка задумывалась – почему её не называли именами женщин великанш, ну, например… И тут Людка начинала вспоминать героинь, маленьких и взрослых, из своих любимых книг. Причём она себя неизменно убеждала, что все они тоже были высокого роста. Это и Василиса Прекрасная из русских народных сказок, и Герда из сказки «Снежная королева» Андерсена, и Пеппи Длинныйчулок из одноимённой повести Линдгрен, и Алиса из сказки «Алиса в стране чудес» Кэррола и…

Обижаясь и огорчаясь, но, будучи от природы не злопамятной, она собирала вокруг себя дворовых ребят и рассказывала разные истории про своих любимых героинь. Если она чувствовала, что рассказывала не очень убедительно, то придумывала новые приключения реальных или выдуманных персонажей. Со временем она так развила своё воображение, что начала писать рассказы. Но тогда, во дворе, в окружении сверстников, сидела ещё, конечно, не писательница, а обиженная на всех и неуверенная в себе очень рослая и ещё по-детски нескладная девочка. Она буквально выходила из себя, чтобы привлечь внимание к тому, о чём и о ком говорит, а не к своему высокому росту, длинным рукам и ногам, крупным чертам лица и оттопыренным ушам.

Ребята слушали Людку с нескрываемым интересом. Бывало, засиживались в дворовой беседке допоздна. А потом долго не могли уснуть: перед их глазами мелькали образы Герды и Алисы, Василисы и Пеппи… таких же ушастых, длинноруких и длинноногих, как их подружка.

А иногда мальчишки со двора представляли себя героями из этих книг. Некоторые из них влюблялись в Людку, даже сами того не осознавая. Думая о ней, они уже не видели высоченную неуклюжую девчонку с большими ушами, а прекрасную сказочную героиню.

Однако ничто не мешало на следующий день детворе выбегать во двор, выкрикивая «Людка Гулливер!» ещё громче обычного.

Людкина мама Светлана смотрела на свою дочь с нескрываемым изумлением:

– И в кого ты такая пошла?!

– Мама, какая я?

– Такая …

– Какая «такая»? Уродина? Дурочка?

– Что ты, доченька! Ты у меня красавица и умница!

Обычно, расхваливая и успокаивая дочку, Светлана вся сжималась от раздираемых противоречий. Она прекрасно понимала, что её Люда совсем не красавица. А вот училась девочка, действительно, очень хорошо. Много читала, ходила на плавание. Вскоре Светлану стали уговаривать отвести дочь в баскетбольную секцию.

Часто ночами ей не спалось, она всё думала, как это случилось, что у неё, самой красивой девочки в классе, родился такой «гадкий утёнок»? Неужели у Толика, отца Людочки, кто-то был похожий в роду? Ведь он слыл в школе красавчиком. Как завидовали ей одноклассницы, наговаривали на неё, пытаясь всячески очернить перед ним… Но, сколько бы Светлана не размышляла и не вспоминала, ни к чему это не приводило. С Анатолием она рассталась

почти сразу после рождения дочки. Так что её первая школьная любовь растаяла как дым…

Прошло пять лет. Люда продолжала расти. Она успешно заканчивала школу, представляла достойно отечественный баскетбол, будучи капитаном юношеской сборной. Но вечерние дворовые посиделки не прошли для неё бесследно. Её рассказы публиковали в детских и юношеских журналах, читали в радиопередачах. Даже предлагали что-то переделать в пьесу для театральной постановки…

Люда очень гордилась всеми этими достижениями. Порой ей даже некогда было взглянуть на себя в зеркало – она вечно куда-то спешила. Но это обстоятельство даже радовало девушку; она знала, что любоваться в зеркале было не на что.

Прошло ещё несколько лет. Баскетбол Людмиле пришлось оставить – начались проблемы с позвоночником. Но писать она продолжала. Свою любовь к литературе девушка решила передать детям. Она с отличием окончила филфак местного пединститута. Получила направление и начала работать.

Пошли, покатились, полетели рабочие будни. Ученики Людмилы Анатольевны в ней души не чаяли. Что, однако, не мешало им периодически портить любимой учительнице нервы… Тогда Людмила приходила домой и тихо плакала, спрашивая себя: правильную ли она выбрала профессию.

– Твои ученики любят тебя, как душу, а трясут как грушу, – любила повторять опытная коллега, учитель географии, Ирина Васильевна.

– Что мне делать, я ведь так стараюсь. «Сердце отдаю детям»*…

– Люда, скажи, хоть минуту в неделю ты чувствуешь себя на уроке счастливой?

– Конечно, Ирина Васильевна! Бывают у меня уроки, полные взаимопонимания и радости. Ученики слушают внимательно и с интересом, тянут руки, отвечают без ошибок, всё переписывают с доски, улыбаются.

– Вот видишь, ты на своём месте, девочка!

Людмила Анатольевна продолжала работать, посвящая работе все своё время.

Как-то, во время одной из перемен, она вышла во двор и стала потихоньку ходить вдоль школьных стен. Вдруг внимание учительницы привлекла одна надпись. Кровь ударила ей в голову. На стене, примерно на уровне двух метров, т. е. её головы, «красовались» два слова: Людка Гулливер…

Сначала Людмила Анатольевна не хотела верить своим глазам. Но предательские слёзы уже потекли из огромных серых глаз… Она словно очнулась, посмотрела на себя, машинально схватилась за уши.

* Книга педагога Василия Сухомлинского.

Немного успокоилась, ведь уши были надёжно скрыты копной густых волос.

– Что это было? Что-то обидное до боли… Родом из детства…

Учительница снова посмотрела на стену: Любка Гулливер.

Людмила Анатольевна протёрла глаза. Верно, написано Любка…

– Так, – её мозг начал судорожно работать уже в ином направлении. Даже не слишком обрадовавшись, что обидная надпись не про неё, учительница пыталась вспомнить – кто же эта рослая Любка, из какого класса? «Надо поскорее выяснить где девочка учится. И попытаться её спасти от насмешек соучеников…»

В течение нескольких дней Людмила Анатольевна пыталась разузнать то, что можно, об этой девочке. Но всё было тщетно. Никто из педколлектива не знал такую ученицу.

Людмила поделилась своей тревогой с матерью. У Светланы возникло своё предположение:

– Доченька! Если нет рослых школьниц, поищи от обратного.

– В смысле? Ааа, какая ты у меня, мамочка, умница! Ты права, может быть, так дразнят девочку маленького роста… Будем искать!

На этот раз Людмила Анатольевна нашла сразу трёх низкорослых Люб из старших классов. Она по очереди поговорила с каждой из них. Оказалось, что

эти ученицы не видели настенной надписи. Теперь все три Любы собрались вместе и пошли с учительницей на школьный двор посмотреть, что там было написано.

– Ой, Людмила Анатольевна, кто же так высоко написал?

Девочки задрали головы вверх.

– Смотрите, там ещё что-то написано!

– Действительно, возле надписи «Любка Гулливер» появилась приписка: «Я тебя люблю».

Если бы кто-то посторонний наблюдал за этой компанией со стороны, то он бы увидел трёх низеньких, но уже вполне оформившихся девушек, пытающихся перекричать друг друга, повторяющих как мантру, одну и ту же фразу:

– Это мне написали!

– Нет, это мне написали!

– Не выдумывайте, это мне Петька из 10-А написал, он в меня давно влюблён!

– Да нет же, это Лёшка из 10-Б!

– Что вы говорите! Я узнаю почерк; это Серёжа из 11-А! Да-да, и не спорьте, он на меня вчера ТАК посмотрел…

Учительница смотрела с высоты своего двухметрового роста на раскрасневшихся, возбуждённо и радостно щебечущих школьниц и тихо посмеивалась. «На сей раз, кажется, пронесло. Обойдёмся без обид», – подумала наконец-то повзрослевшая Людка.

Максим Сафиулин
Дипломант

Гулливерность

Жить в мире с другими непросто:
Слова – не дрова в камине.
Чем меньше духовного роста,
Тем больше обид и гордыни.

Чем выше амбиции, гордость,
Тем ниже сердечность и верность.
От маленьких лордов свободность –
Вот это и есть «Гулливерность».

Быть ближе к добру и единству,
Быть дальше от глупых суждений,
Не верить войне и бесчинству,
Быть выше обид, оскорблений.

И спросят меня: «Так просто?
Зачем разбивать колени?»
Мы люди огромного роста
С огромным желанием – лени.

Мы строим великие планы,
Считаем часы и минуты,
Нам кажется, мы – великаны.
Но мы все, увы, – лилипуты.

Кричим: «Мы – надежда эпохи!
Страна будет нами гордиться!»
Считая ничтожные крохи
И пряча голодные лица.
«Наш голос, как гром раздаётся,
Свободой, решимостью дышит…
Нам всем за него достаётся,
Поэтому тише. Услышат.
Историю ценим и знаем!
Мы нашей страны патриоты!
Мы праздники ВСЕ отмечаем,
Но в страхе бежим от работы.
Мы – люди! И нас миллионы!
В нас сила, надежда и вера!» (…)

Есть лживые хамелеоны,
Но ни одного Гулливера.

Юрий Табачников
Дипломант

Мини или...

.....

Перекрёсток Гулливера

«Я, просто гном средь гномофобов», – изрёк Гулливер в Стране великанов, подав прошение на эмиграцию в Лилипутию. Но Лилипутия в визе отказала. Сел удручённый Гулливер у развилки трёх приграничных дорог. Выпил чего-то там из дорожной фляжки, выкурил трубочку и понуро пошёл по направлению к своему обычному миру, как табличка указывала. Туда, где ты не великан, но и не лилипут. По крайней мере – внешне. А кто ты, по сути, решают лишь твои поступки, среди таких же, как и ты. А это куда как труднее. Ведь так легко стать лилипутом там, где никто не гарантирует тебе великанского величия. Всё решаешь лишь ты сам на перекрёстках, к которым подводит тебя судьба.

Милана Гиличенски
Дипломант

За алтарём

Кругом мох. Привязчивый, цепкий ползёт он по стенам старой кирхи, покрывает и колокольню, и стволы деревьев в саду, и скамейки, и беседки, и каменные надгробия во дворике. Вилли насчитал десять видов мхов – одни ложатся ворсистым ковром, другие растут шелушащимися пятнами, есть и такие, что свисают причудливой бахромой – на ощупь прохладной и клейкой.

Семилетний Вилли – сын приходского пастора. Вместе с отцом и матерью живёт он в домике при кирхе.

По утрам Вилли будит звон колоколов. Мальчик не залёживается, он встаёт и первым делом бежит в сад. Там, между ивняком и зарослями камыша, в крошечном пруду с мутно-зелёной водой живут рыбы. В кармане у Вилли припасены остатки хлеба с ужина. Ему нравится наблюдать за бодрой стайкой, спешащей на угощение. Как легко и свободно они плывут – грациозно изгибаются спинки, раздуваются плавники – ну чисто паруса на клиперах!

Насмотревшись на обитательниц пруда, Вилли возвращается в дом, там ждёт матушка со стаканом горячего молока и тёплой ржаной булкой. Зав-

тракают всей семьей, отец читает молитву, матушка и Вилли повторяют за ним следом: «Очи всех обращены к Тебе, Господи. И Ты всем даёшь пищу в нужное время, открываешь щедрую руку твою и насыщаешь всё живущее, Амен»

В мезонине пасторского дома устроена учебная комната. Там много старых книг и свитков. На стенах висят потемневшие от времени картины с изображением жития святых. До обеда отец находит час-другой позаниматься с Вилли грамотой и законом божьим. Если мальчик усерден, ему разрешается полистать книгу о морских путешествиях. Он без ума от цветных гравюр с изображением парусников, к каждой – подробное описание. С интересом разглядывает он карту – на ней отмечены главные судоходные пути. В книге можно почитать об экипировке суден, о подготовке к плаванию, о дальних странах, о морях и ветрах. Ах, что за чудесные слова – муссоны, пассаты, мачта, снасти, такелаж… Иногда отец читает из книги вслух – для мальчика нет ничего благодатнее этих минут. Жаль, что подобное случается редко – как правило, пастор занят другими делами, у него их множество. Вилли не раз просил разрешения остаться в учебной комнате и полистать чудесную книгу, обещал, что будет аккуратен и осторожен. Отец не позволяет. Книга, говорит, старая и очень ценная, кроме того, она, как и весь их дом, и всё, что в нём нахо-

дится, принадлежит кирхе, и обращения требует особо бережного.

После обеда пастор посещает прихожан. Иногда он берёт с собой Вилли. Что за удовольствие идти с ним бок о бок! Шагаешь себе по просёлочной дороге и ни о чём не думаешь. Сонные, чистенькие хутора перемежаются с одинаковыми лоскутами полей, озерца полны прозрачной воды, лощины укрыты вереском. Неброский деревенский ландшафт, полный света и мира. Люб он ему, этот ландшафт, лишь мысли о морских странствиях наполняют беспокойством. Есть у Вилли тайная мечта – проснуться утром и увидеть в окошке не замшелый мир церковного двора, а море и мачты кораблей.

В страстную пятницу, накануне праздника святой пасхи, в доме тихо и торжественно. В это время принято молиться и вспоминать о муках Христа. Отец зовёт Вилли к себе, он просит его сходить за псалтырем в ризницу, вдвоём они там не раз бывали, и Вилли хорошо знает, где что лежит. Мальчик рад заданию. Сын гордится доверием отца. Он бежит в церковь. Молитвенный зал пуст в этот час. Молчит орган. Дневной свет, проникающий через витражи окон, приглушен. В просветах между колоннами видны фрески с ликами святых, сейчас, когда в зале, кроме Вилли, никого нет, они глядят строже обычного. Сумрак таится в многочислен-

ных сводах потолка. Гулким эхо отдаются в них быстрые шаги мальчика.

Большой ключ легко проворачивается в скважине. Дверь тяжела, но податлива. Вилли переступает порог ризницы – там царит абсолютная темень. Ах, почему он не догадался спросить свечу у матушки? Как найти комод, где лежит псалтырь? Неужели назад за свечой возвращаться? Но тут – нет, он не видит, он, скорее, чувствует за спиной свет. Он струится с восточной стены, где с давних времён сохранилось выгравированное в камне изображение святого Георга. Оно гигантское, в полтора роста взрослого мужчины.

Вилли оборачивается. Он не ошибся. Фигура святого со всех сторон охвачена странным зеленоватым свечением, и особым образом светятся его глаза. Они пронизывают насквозь. Мальчик чувствует кожей жжение этих глаз-лучей, такое же сильное, как прикосновение тлеющих углей. Нет, во сто крат сильнее! Так зло и пронзительно мог бы обдать жаром какой-нибудь василиск или оборотень. Вилли вспоминает одну из легенд о святом Георге – великий мученик испепелял взглядом всех, кто ему не мил. Но то были грешники и неверные, а чем провинился он? Страх сдавливает горло, сердце обезумевшей птицей рвётся наружу, бегом бежит он из ризницы, молнией проносится через молитвенный зал на улицу и замирает на пороге церкви. Навстре-

чу ласково улыбается апрельский полдень. Вилли молится. Изо всех сил пытается он припомнить молитву на случай большой беды. Но на память приходит всего несколько слов: «Сделай со мной всё что хочешь, и что есть благо для меня. В жизни или смерти я с тобой».

«А что-же дальше», – спрашивает себя Вилли. Что делать? Конечно, бежать домой! Но тут ему приходит в голову, что он не исполнил отцовского задания, более того – ключ остался в замочной скважине. Вилли не раз слышал, как отец выговаривал служке, когда тот забывал запереть дверь ризницы. С ужасом думает мальчик о том, что ему следует вернуться в страшное помещение за алтарём.

А если не возвращаться? Прийти домой и покаяться. Попросить у отца прощения, разжалобить его. Рассказать в конце концов, что с ним случилось. Спросить – за какие грехи святой Георг на него рассерчал? Возможно, Вилли был недостаточно благочестив, или не молился как следует – кто теперь знает. Всё равно только отец сможет объяснить странное происшествие. С другой стороны, если Вилли вернётся домой с пустыми руками, отец перестанет доверять ему. И никогда не будет его ни о чём просить.

«Мой сын – трус», – подумает отец. Жалкий трус. Он начнёт презирать Вилли. И прекратит занятия в учебной комнате. И не будет читать о морских

странствиях. И не позволит листать Книгу. И это маленькое окошко в большой, чудесный мир, где в незнакомые гавани приходят корабли под вздымающимися парусами, это окошко закроется для него навсегда. Нет, нужно вернуться в ризницу. Любой ценой!

«Господь наш – меч, оплот и щит» – горячо молится мальчик, ладошки его вспотели, в ушах звенит. На спине между лопатками он всё ещё ощущает сильное жжение – именно в точку между лопатками устремился страшный взгляд в ризнице. Наверное, он много грешил, – думает Вилли, был недостаточно послушен, и в изучении библии не проявлял должного усердия.

«Меч, оплот и щит, меч, оплот и щит…» – даже эту молитву не помнит Вилли до конца, но повтор заветных слов приносит облегчение. Мальчик возвращается в кирху. Молитвенный зал кажется ещё мрачнее, чем накануне, бегом, не глядя по сторонам, несётся он за алтарь. Ключ торчит в замочной скважине, дверь в ризницу приотворена. Перво-наперво он захлопывает её, подпирает плечом, чтоб ненароком вновь не отворилась, и замирает в раздумье. Пожалуй, если зайти в ризницу и оставить за собой дверь широко распахнутой, дневного света из зала хватит, чтобы увидеть тот самый комод, быстро достать псалтырь и убежать. На изображение святого Вилли даже не оглянется. Нет, не

оглянется. Он откроет нужный ящик, достанет книгу и убежит. Ещё он наверняка сможет себе помочь, если непрерывно будет молиться вслух. Эх, знать бы с начала до конца хоть одну молитву!

И тут происходит чудо: Вилли вспоминается целиком вся утренняя молитва Мартина Лютера – от торжественного «Во имя отца, и сына, и святого духа...» – до самого сокровенного «Святой ангел да пребудет со мною. Чтобы злой враг не осилил меня». По утрам он часто слышал её от отца, но даже не подозревал, что помнит наизусть. Громко скандируя слова молитвы, Вилли широко распахивает дверь ризницы и перешагивает порог. Всё та же леденящая темень и... против воли взор его устремляется к восточной стене... Холодное зеленоватое свечение вокруг фигуры святого, зловещий взгляд выгравированных в камне глаз. Вилли кажется, что за фигурой маячат крылья. Драконьи крылья. И глаза вращаются! Как же так? Святой ли это, или всё же оборотень? Вилли видит, как подрагивают веки у фигуры в камне, и – о, ужас, он видит, как медленно поднимается рука, сжимающая копьё! Но нет, на сей раз Вилли не пойман врасплох. Он хорошо знает, что ему нужно. Прочь, страх! Тебе только дай лазейку, и всё дорогое утеряно. «Меч, оплот и щит, меч, оплот и щит...» – стремглав несётся он к цели. Вот тот ящик комода, второй сверху. Гигантским усилием воли подавляет Вилли нервную

оторопь, выдвигает ящик, достаёт псалтырь, задвигает ящик, выбегает из ризницы, захлопывает дверь, проворачивает тяжёлый ключ в скважине.

Молнией несётся мальчик через зал, под сумрачными сводами, хранящими тайну восточной стены, под осуждающими взглядами святых… Он на свободе. Он справился с поручением отца. Дверь в ризницу заперта, в руках тяжёлый ключ и священная книга с песнопениями. Уф, трепета в груди никак не унять, ноги трясутся. Вилли останавливается, чтобы перевести дыхание

Весенний полдень, страстная пятница. Тишина, нарушаемая разве что мычанием коровы на соседнем погосте и шелестом ветерка в молодой листве, и вот ещё криком петухов, его утренних приятелей, и отдалённым лаем дворовых собак. Страх потихоньку испаряется. Но жжение между лопатками не даёт покоя.

– Почему так долго, Вильгельм? – отец встречает его на пороге, он смотрит на Вилли с укором. – Я хотел было уже следом идти.

Ликование Вилли слегка омрачается. Однако он не пытается оправдываться. Как бы ни хотелось мальчику всё рассказать, происшествие в ризнице должно сохраниться в тайне. Упомяни он о случившемся, отец посчитает его трусом, и тогда…

Последние приготовления к богослужению. До начала службы остаётся не более часа. Вилли предоставлен сам себе. Как и бывает в часы, когда нико-

му до него нет дела, сидит он у пруда в ивовых кущах и наблюдает за движением рыб. До чего же они подвижны и легки! Ему кажется, что страх и волнение улеглись, он спокоен и горд собой. Отныне ничего подобного с ним не приключится. Всё просто: следует лишь внимательнее читать священные книги, а главные молитвы наизусть выучить. Он удвоит, нет удесятерит старания в изучении слова Божьего, и никакой оборотень не испугает его более. И всё же, если в памяти всплывает фигура с восточной стены, зеленоватое свечение, вращающиеся глаза, поднимающаяся рука с копьём – вновь ощущает он клокотание под ложечкой. И почему никак не прекращается жжение между лопатками?

С порога дома его окликает матушка:

– Вилли, сынок, тебя батюшка ищет.

Мальчик стоит в горнице перед родителем.

– Сын мой, хоть ты и не справился с заданием так быстро, как хотелось бы, но всё-таки ты справился. Я вижу – тебе можно доверять. Будь добр, сходи-ка ещё разок в ризницу. Только на сей раз постарайся быстрее обернуться.

«Предаю себя, моё тело, мою душу и всё, что у меня есть, в руки твои, Господи…»

С некоторых пор в главной гавани Порто, того самого, что на острове Искья в Неаполитанском заливе, замечают пожилого господина. Долговязая,

сутулая фигура, шаркающая походка, костюм из коричневого сукна старомоден и поблескивает на локтях, носки ботинок стёрты – без сомнения, хозяин отшагал в них десятки миль. Однако рубашка всегда безукоризненно свежа, и галстук аккуратно завязан. Он приходит рано утром, в одно и то же время, хоть часы сверяй.

На рассвете жизнь в гавани бурлит и клокочет. В ожидании улова топчутся тут рыночные торговцы, владельцы прибрежных трактирчиков, домохозяйки. Портовые кошки мечтают об анчоусах – скромно и с достоинством усаживаются они в рядок и терпеливо ждут. Пронзительно кричат чайки.

С видом короля пирса разгуливает вдоль берега гарбормастер, пыхтит короткой трубкой, покашливет. Завидит вновь прибывшего, спешит навстречу: его задача – перехватить у моряков трос.

Баркасы деловито пришвартовываются. Капитаны с мостиков хрипло трубят команды. Из трюмов поднимаются наверх сети, полные чудесной рыбы. Чего тут только нет – краснопёрка, камбала, тунец, сардины – от крупных до мелюзги.

Пожилой человек устраивается на лавке у причала. Внимание синьора сосредоточено на баркасах. Часа три безотрывно следит он за священнодействием – так наблюдает за карточной баталией азартный игрок.

Но вот судна разгружены. Промытые сети растянуты на штоках и просыхают на ветре. Крепкие парни устраиваются за столиками близлежащих пивных. Славные они! Про таких говорят: рыбаки – дважды моряки. Расторопные бармены бегут с подносами на встречу – кому рюмку чинзано, кому эспрессо с граппой.

Старик поднимается и уходит. Его зовут Вильгельм. Родом он из Германии, бывший пастор. В своё время, не желая идти наперекор родительской воле, Вильгельм перенял у отца приход. Но ничто не вечно, и родители тоже. Ушло время, пришло время, и он уже никому не обязан. Ничем.

Вильгельм снимает мезонин неказистого домика – таких много у порта, в нижней части города. Из окна его комнаты видны мачты кораблей.

Чем занимается? Да ничем. Утром и вечером приходит в гавань. Вильгельм приветлив и доброжелателен, но живёт обособленно, дружбы ни с кем не водит, даже бывших земляков избегает. Совсем недалеко, сказала хозяйка дома, всего в трёх милях от Портэ, есть лютеранская община. На острове много немцев, всем известно, как любят они живописную Искью. Вильгельм вежливо поблагодарил, но в общину так и не выбрался.

Пастор столуется у Пьеро, в маленькой остерии неподалёку от гавани. Ест немного, но не отказы-

вает себе в десерте. Предпочитает кофейное пирожное со сливками маскарпоне.

Как-то хозяин спросил – счастлив ли он на чужой земле, далеко от родины. Вильгельм ответил, что его счастье – море и корабли. Всю жизнь мечтал он только о море и кораблях. И ладно, что самому уже не поплавать, хоть насмотрится вдоволь. А ещё – доверчиво шепнул Вильгельм, – именно здесь он окончательно излечился от хвори, преследующей его десятки лет – жгучей боли между лопатками. На Искьи она прошла сама по себе. Так что он рад, что решился сменить место проживания.

Любовная лирика

Наталья Колмогорова
1 место

Яблоки

Мы словно два яблока на одной ветке,
Кому-то солнца досталось меньше, кому-то – больше,
Такие случаи, знаешь, довольно не редки:
Ты сладок на вкус, но мой аромат – тоньше.

Мы сутками грели на солнце с тобой бока,
Подставляя светилу округлости попеременно,
И кричали нам с небушка облака:
– Поспевайте скорей!
Поспевайте скорей
Непременно!

Мы с тобой научились встречать налетевшую тучку,
И вместе держаться за ветку в момент урагана…
Тебя вдруг сегодня сорвала женская ручка
И положила в карман своего сарафана…

А я в одиночестве гордом осталась на ветке
(Как трудно одной, если делишься с кем-то любовью!)
И, с горя упав за забор к престарелой соседке,
Лежу я теперь на земле, возле грядки с морковью.

Но есть притяженье на свете сильнее магнита!
Но есть притяженье одно на двоих – это точно…
Моя сердцевина отныне разбита, разбита!
И мякоть моя стала кислой и вовсе не сочной.

Давай будем вместе…
Пусть в верности каждый клянётся,
Ведь наша любовь в каждой строчке
скрижалей воспета!
Пусть яблоком спелым вращается красное Солнце,
И жёлто-зелёным вращается наша Планета.

Сколько же в нашем саду удивительных яблок?
Видишь огромное? – Это поспела Селена…
День догорает. Сегодня он ветрен и зябок.
Сбор урожая. Пахнет дождями и сеном…

Виорика Пуриче
2 место

Рыцарский роман без эпилога

Вписать бы в рыцарский роман
Его улыбку и объятья!
Но не даёт на кухне кран
Сосредоточиться. Ну хватит

По капле время лить. Раз нет
Ни рыцаря, ни просто друга,
Зачем опять плести сюжет,
Когда с реалиями туго?

Загулом мельниц ветряных
Тревожить стали стаи птичьи,
И нету в том её вины,
Что ей чудачества привычны.

Что небожительница, но
Сосед её совсем не рыцарь,
Ночь на двоих, а день – стеной,
И жизнь на сон и явь двоится.

Течь крана с цокотом копыт
Приятно путать сновиденью,
Ей – замещать постылый быт
Сюжетом из хитросплетений.

Март заоконный сквозь стекло
Внезапно горько защемило:
Не время странствий истекло,
А эпилог ей не под силу.

Стучится в прошлое капель.
За стенкою ребёнок плачет,
Непройденный сюжет задел
Тем, что пойти он мог иначе.

Андрей Крюков
3 место

Любовь поэта

Когда твой шаг, едва касаясь
Проклятой тверди, как углей,
Затихнет вдруг, и ты босая
Среди громадин кораблей
Отыщешь парус, что надёжно
Под снега шапкой усыплён,
Скользни вдоль борта осторожно,
В ту щель, где, солнцем ослеплён,
Твой кэп на юте греет кости,
Он будет рад твоей весне –
Шепнет тебе о норд-норд-осте,
О воплях чаек в вышине,
О всех скитаниях по свету,
Где пропадал он сотню лет,
С тех пор, как ночью по навету
Расстрелян был один поэт,
Как между бездною и солнцем
Он огибал за рифом риф,
И рыб летающих червонцы,
В прыжках неистовых застыв,
Сверкали как разрывы ядер,
Приветствуя прибрежный кряж,

Как им махал весь дебаркадер,
Завидев галльский такелаж,
Как по ночам в безмолвном мире
К рулю вставал сам Асмодей,
И звёзды падали, как гири,
За край земель, где нет людей,
Как комендант большого порта
Пил вместе с ним за хлебный фрахт,
Пил до последнего аккорда
Под смех чертей и «Гутен нахт»,
Как возвращаясь в город малый,
Искать твои следы у дюн,
Напрасно ждал, хоть парус алый
Ещё влечёт старух и юнг.
Не ведал он, что ты поэту
Свой выбор отдала в сердцах,
И зря он странствовал по свету,
Растаяв в бурных временах.
Не тот поэт, и место стёрто,
История сошла на нет,
Но кто-то бродит возле порта
И невесом прозрачный след...

Евгений Прудченко
Дипломант

Сиянье янтаря

Вы были повелительницей? – вряд ли.
Вы были укротительницей? – ой ли!
Вы были формой умопомраченья...
Как оказалось – временной. Увы.
К чему все эти пламенные клятвы,
сгоревшие что свечи в жирандоли?..
Кто научил Вас смешивать сомненья,
которыми напичкивали Вы
меня?! Я защищался алкоголем;
но с каждым днем мне все трудней дышалось,
в ночи не досчитавшись ста баранов,
от недостачи той не мог уснуть.
Терзал рояль, лишь клавиши расстроил.
Удачно среагировав на шалость,
я выпил злости пару океанов,
забыв стакан спросонья сполоснуть.

Занятие Вы выбрали некстати:
учить других, тем более поступкам,
движенью мысли, осмысленью яви –
чудовищная дерзость, видит свет!

Снимите свой клобук, наденьте платье,
не лезьте в psyche даже к институткам;
ну, если они сами не изъявят…
желать душеспасительных бесед.

Все началось с того же, даже хуже:
впитав малопристойные манеры
на небе звезды по ночам считали,
так космос вызывал наш интерес.
Что я? – плыву… как гусь в дворовой луже,
пью тинный чай, исследуя размеры
лагуны. Разговором о морали
спешу закрыть мыслительный процесс.

Жаль! – все проходит. Не проходит старость.
(Эти слова я выношу в эпиграф).
Конечно, жаль! из послужного списка
вычеркивать не буковки – года.
Их ровно столько (с чем-то) оказалось.
Вы все еще охотитесь на тигров?!
(Отмечу – в дрессировке много риска;
животные не признают кнута.)

Побьемся о заклад?! – Вы поумнели!
Ami – я Вам. Хоть гусь, как говорится,
не очень уживается там с кем-то.
Сдувая как сокровище балласт...
Желаю Вам всего! чтоб Вы успели!
пока течет река-императрица...
На россыпях архангельского спектра
мы свидимся когда-нибудь, Бог даст.

Горит лампадка в сумраке янтарном,
спешит по небу облако-солистка
на звуки легкомысленной валторны,
– задев за золотые купола –
расплакалась слезой высокопарной.
Проходит все... Лишь память-одалиска
плывет гигиеничной мыслеформой.
И у меня яснеет голова.

Ольга Коршунова
Дипломант

Сказка

Мы с тобой, милый мой,
Будем жить-поживать.
Там, где выстроишь дом,
Застелю я кровать.
Там, где высадишь сад,
Буду яблоки рвать,
Провожая закат,
Сына с дочкой качать.

Нам с тобой, милый мой,
Ни к чему слёзы лить.
К нам весёлой толпой
Будут гости ходить:
Солнце – важный купец,
Дождь – умелый гусляр,
Ветерок – удалец,
Месяц – бравый гусар.

Нету пары такой
Да на весь белый свет.
Мы с тобой, милый мой,
Проживём сотню лет,
А быть может, и две,
А захочешь – и пять,
Лишь бы смеху звенеть,
Лишь бы песням звучать.

Мы у жизни-реки
На одном берегу.
Ты меня береги,
Я тебя сберегу.
Только б рядышком быть
И в морозы, и в зной,
И ту сказку прожить,
Что придумана мной.

VIP

Татьяна Бадакова

Психоаналитик, или рождественская шутка

Некий человек, который мечтал открыть в себе и окружающих некую тайну, точно следователь в детективных романах, обедал в компании приятелей.

Признаться откровенно, приятели были лишь едва знакомы друг с другом, да и того, кто собрал их, знали только по прозвищу, которым нарекла его местная детвора, – Пуаро. А дети, на удивление, обладают неким чутьём и природной интуицией – подмечать в человеке что-то главное либо во внешности, либо в характере. И, насмотревшись телесериалов по романам Агаты Кристи, нашли они в своём окружении такого любопытного типа. Пуаро, действительно, напоминал знаменитого сыщика: сверлящий взгляд, ловко закрученные усики и неизменные плащ, шляпа и трость. Детство Пуаро провёл в этом же городе, учился в соседней школе. А по окончании её отправился в поисках приключений в другие города. В нём всегда жила страсть к исследованиям и расследованиям. Но, похоже, трудиться он не любил, а прославиться очень хотелось.

Итак, тёплый осенний день, уютное кафе «Сан-Саныч» в провинциальном городке Элинск. За столом пятеро уже немолодых мужчин. Время – около полудня.

Встреча была назначена и обговорена заранее, и все приглашённые подошли без опоздания. На серьёзных лицах мужчин просматривалось нескрываемое любопытство. Не совещаясь между собой, они сделали заказ, и в ожидании его с интересом рассматривали обстановку, друг друга, а также молоденькую круглолицую официантку.

Организовавший встречу Пуаро – аккуратный мужчина лет пятидесяти, был невысок ростом, подтянут и вполне симпатичен. Он, в общем-то, внушал доверие окружающим. Хотя, если присмотреться, обращал на себя внимание взгляд его глубоко посаженных глаз – прищуренные, они словно насквозь просверливали собеседника. С дипломатом, как и со шляпой, он никогда не расставался.

Слева от него разместился его сосед дядя Митя. Он – единственный, который хорошо знал Пуаро ещё с детства. Усатый добряк дядя Митя был старше всех присутствующих.

А тот, что сидел справа от Пуаро, оказался моложе всех, модно одетый, весёлый бодрячок в очках по имени Толик. В городке многие знали, что Толик любит поговорить, не прочь и выпить в тёплой компании. Да и пришёл он на эту встречу с мыс-

лью «полакомиться» чем-нибудь покрепче. За столь короткое время Толик уже успел рассказать несколько баек из жизни знакомых горожан. И от сказанного сам же и был в восторге, постоянно хихикал и в то же время успевал бросать неоднозначные взгляды на официантку.

Два других товарища, словно братья-близнецы, коренастые, угрюмые, личности «в себе». Они никак себя не выдавали, молча наблюдали за происходящим из-под своих надвинутых на глаза бейсболок. Компании они не представились, судя по всему, не считая, что знакомство будет необходимо им в дальнейшем.

План Пуаро – собрать почти незнакомых ему и друг другу людей, конечно, был сомнительным. Но наш «сыщик» полагал, что в случае провала его задумки незнакомцы мало что смогут поведать другим.

Несмотря на обеденное время и аппетитные запахи из кухни, в кафе, кроме «нашей» компании, не было ни души. Лишь изредка забегали мальчишки купить жевательную резинку или пирожки с повидлом, да местные жирные коты грелись на солнце, ловя его редкие тёплые лучи. Едва была слышна красивая мелодия, в такт которой официантка, искусно двигая бедрами, прохаживалась по залу в ожидании клиентов.

Представившись друг другу, компания дружно приступила к трапезе. Ели не спеша, как бы оття-

гивая время. Обед оказался сытным и вкусным, и приятелям, похоже, понравился. Они подобрели, повеселели, даже на лицах обоих хмурых мужчин появились кривые улыбки. Но все, конечно, догадывались, что их созвали не за тем, чтобы отведать блюда от «Сан-Саныча». Молча (естественно, кроме Толика) ожидали вестей, искоса поглядывая на пригласившего их Пуаро.

Ожидание затягивалось, потому что Пуаро никак не решался начать разговор. Он всё ещё был в сомнениях, размышляя – правильно ли его поймут приятели. Но азарт осуществления своей идеи взял верх, и он, наконец, отважился. По выражению его лица все присутствующие поняли – разговор будет важным. Пуаро, слегка наклонившись вперёд так, что все остальные последовали за ним, сказал:

– Дорогие друзья! – это прозвучало очень официально. – То, что я вам сейчас поведаю, не должно стать известным ни единой душе! Прошу понять и принять данное условие.

Заинтригованные товарищи закивали в знак согласия.

– Итак, мы с вами совсем скоро станем первопроходцами в души людей. Мы сможем проникать в людские головы, легко раскрывать их секреты и тайные мысли, узнавать то, что некоторые даже сами о себе не знают!

Голос Пуаро слегка задрожал от сказанного. Глаза его заблестели и забегали от одного к другому. Затем в предвкушении реакции он прикрыл их ненадолго, и блаженная улыбка появилась на его таинственном лице.

После интригующих слов Пуаро все присутствующие опешили и замерли. Никогда в обычной жизни эти простые люди не сталкивались с такой ситуацией и даже в мыслях не воображали что-нибудь подобное. Дядя Митя как-то странно крякнул, откинулся было на стуле, но затем снова наклонился вперёд. Двое угрюмых стали ещё угрюмее от такого непонятного предложения. Даже говорливому Толику не нашлось, что сказать.

Картина, конечно, выглядела очень забавно – пятеро мужчин сомкнулись в круг и окаменели.

Подошла официантка, увидев состояние своих клиентов, спросила, всё ли в порядке и не требуется ли чем-то помочь. Её вопрос вернул присутствующих в действительность. Первым с явным удивлением очнулся Толик.

– Как это возможно?!

Пуаро подскочил от радости, услышав в словах долгожданный интерес. Сощурив свои и без того сосредоточенные глаза, он начал судорожно искать что-то в дипломате. С ходу не найдя необходимого, быстро выложил всё содержимое на стол, продолжая нервно перебирать. Ненужное снова возвра-

щалось в дипломат. Наконец, Пуаро с радостью фокусника показал присутствующим пожелтевший, помятый обрывок старой газеты.

Все по очереди с интересом прочли заголовок статейки «Рецепт снадобья для проникновения в души людей». Название впечатлило настолько, что никто и не заметил, что статья была напечатана в рождественском номере дореволюционных «Ведомостей».

Реакция за столом, естественно, оказалась разной. Дядя Митя, очнувшись, скептически отмахнулся. Двое «братьев-близнецов», как обычно, лишь ухмыльнулись, но выражение удивления всё же не сходило с их лиц. Единственным моментально заинтересованным стал Толик. Он с удивительным «пониманием» начал расспрашивать Пуаро, что для этого нужно.

И тут, уже возомнивший себя хозяином людских душ и тайн, Пуаро с увлечением стал рассказывать приятелям, как он представляет себе осуществление своей идеи. А также показал продуманный и расписанный по ролям сценарий. Оказалось, что для столь важного дела необходимо было всего-ничего: чистый медицинский спирт, три-четыре колбы и столько же пробирок, и ещё несколько лекарственных средств, которые легко можно купить в местной аптеке.

Похоже, очень загадочный рецепт из прошлого века по теперешним временам оказался слишком прост.

Проблему представлял основной компонент. В небольшом городке чистый медицинский спирт можно было достать только со склада, где работали двое угрюмых. Узнав, что заплатят неплохо и наличными, эти товарищи согласились вынести спирт, невзирая на трудности.

Дяде Мите предназначалось лишь подготовить список подходящих для эксперимента подопытных. Поскольку он знал почти всех в своём дворе и его окрестностях, задача для него оказалась очень простой. Поэтому дядя Митя тоже согласился стать участником столь странного дела.

А от Толика не требовалось согласия, он по натуре был азартен и увлекался любой идеей. Так как у Толика имелись завидные способности легко сходиться с людьми, ему предстояло знакомиться, задавать заранее подготовленные вопросы и записывать разговоры с будущими клиентами.

То ли от того, что всей компании хотелось побыстрее по домам к привычным телевизорам и диванам, то ли всё-таки заинтересовала их идея Пуаро, дабы развеяться от скуки, царящей в их повседневной жизни, но все присутствующие в итоге согласились участвовать в этой операции и быстро покинули кафе.

В тихом городке Элинск осенью, впрочем, как и в другое время года, безлюдно, мрачно, особенно, когда целыми днями идёт дождь. Но такая обстановка на руку для совершения тёмных или авантюрных делишек.

План, разработанный Пуаро, начал реализовываться. Каждый участник уже с увлечением исполнял свою роль. Спирт привезён, всё необходимое для рождественского рецепта Пуаро подготовил. Список людей составлен. На сцену выходил обворожительный Толик.

Итак, процесс распознавания тайн и раскрытия людских душ пошёл. «Командовал парадом» Пуаро. В конце каждого дня подводился итог. Самое главное – организатор был доволен. Сколько секретов он узнал, в какие душевные тайники удалось проникнуть! Отныне весь мир, казалось, был у него в руках. Но для Пуаро наиглавнейшей задачей было – узнать какую же тайну хранит его душа. И как он может влиять на развитие всего человечества?

Наконец, подготовив опросник для себя, он решился. Однажды вечером Пуаро пригласил домой Толика, передал ему подготовленный список вопросов, полагая, что, оказавшись в трансе, он не успеет этого сделать. Торжественно и с некоторым волнением выпил снадобье и стал ждать.

Прошёл час, другой…

С Пуаро ничего таинственного не происходило, состояние его не менялось, сознание полностью контролировалось им.

И вдруг его осенило! Пуаро понял всё происходящее! И то, как удавалось Толику обнажать души людей, и то, что тайна, действительно, есть у каждого человека. Но для её раскрытия не нужны чудодейственные препараты и зелья, а лишь простое человеческое участие…

Пришла в Элинск очередная зима, дни и ночи, сменяя друг друга, не приносили в жизнь городка особенно ярких событий. Приятели разошлись по своим делам и квартирам так же без энтузиазма, как и собрались. Пуаро снова укатил куда-то в поисках очередных сенсаций, жажда к приключениям всё не оставляла его.

А люди с надеждой готовились к светлому празднику Рождества…

Виктория Левина

Вдоль Галилейских холмов

Цикл стихотворений-путешествий
по Северу Израиля

В музее Янкелес

В той деревне хасидов*, на маленькой ферме,
где в музей превратили овечий загон,
я залётною птахой, ни последней, ни первой,
похожу, проверяя нерушимый закон:

где бы ни было тело, в какую б обитель
бог тебя не пристроил опробовать жизнь –
в той деревне еврейской появился родитель.
В той деревне под осень свою окажись.

Я потрогаю кружки, ведро с коромыслом
и тфилин, и на замше – молитву Эстер,
и с трудом соберу убегающей мысли
след кометный из гулких космических сфер…

.....

* Музей «Янкелес» – «Штетл Янкеля» – это небольшой сельский еврейский музей, расположенный в Кфар-Хасидиме и включающий отреставрированный еврейский городок. Находится у горы Кармель.

Я – частица, я – «янкеле», и в подреберье
бьётся сердце еврейское бубном в груди.
Для меня в той деревне распахнуты двери:
«Не спеши, прикоснись, как домой заходи!»

Субботники Дубровины

Йоав Дубровин, что в миру Андреем
из астраханских далей бесконечных,
семью забрал – и в хляби Галилеи
в долину Хула к озеру*. Навечно.

Большой надел бесплатный был отвергнут –
развеет ветер, что досталось даром! –
и не однажды здесь Йоав прибегнет
к словам Талмуда на гнилых гектарах...

Здесь разводили кур, коров и пашни,
гигантский урожай, свозя, потели,
и новый день похожим на вчерашний
был как две капли, если б не потери.

Болото забирало жизнь и силы,
и таяла семья от малярии.

.....

* Субботники – народное название секты иудействующих, возникшей на рубеже 17–18 вв. в центральных районах России в среде помещичьих крестьян.

С молитвою из Торы на могилы
ходил отец, кричала мать – Марии.

Они не говорили на иврите,
но чтили свято землю Исраэля.
Деревни русской мимо не пройдите,
зайдите в избу русскую, робея.

Такие люди – кремень и основа
Святой Земли, Обетованной ими.
Йоав Дубровин – повторяю снова –
в миру Андрей. Запомни это имя!

У водопада Ха-Танур

В Израиле глядеть на водопад*?
Оставь, ты шутишь! Но вода срывалась
с вершины, и мельчайших капель град
на коже оседал. Такая малость –

вода, Метула… На душе светло,
как в день, когда комфортно от сознанья,
что здесь, в горах, всем засухам назло,
течёт вода – основа мирозданья,

.....

* Водопад Ха-Танур находится поблизости от самого северного населённого пункта Израиля – города Метулы.

основа жизни! Вот она, форель,
в пруду у основанья водопада.
И кажется – в лесу звенит свирель
шального Пана – большего не надо...

А формой водопад напомнит печь
иль платье шейха, иль узор ковровый.
Плескаться рыбам, водопадам течь
в моей стране, прекрасной и суровой!

В городе Каббалы

Алхимиков приют и мистиков планета –
мой Цфат* вокруг горы обвился, как змея.
Здесь правит Каббала, и чтоб осмыслить это,
достаточно пройти по кромке бытия,

что составляют здесь ступени старых улиц
и синагог святых наивный синий взгляд,
и окон голубых, что к небесам взметнулись,
чтоб возвратить мессий в священный город Цфат.

Их ждут. Для них питьё здесь оставляют в узких
проходах меж домов. Здесь кофе или чай
на выбор для мессий – устали от нагрузки
брести по тыще лет – радушьем их встречай!

* Цфат, маленький провинциальный израильский городок, история которого насчитывает несколько тысячелетий.

За этот город Цфат платили иудеи
тот неразменный, тот последний золотой!
Бреду по городку, что воздухом идеи
пришествия мессий прикинулся горой…

В Галилейской пещере Паар

В Галилейской пещере Паар
в пропасть карстову водные стоки
обрываются вглубь – ягуар
так рычит преисподней глубокой.

А снаружи – раскидистый дуб
и шиповник, и троп заповедных
меж разрывами карстовых труб
многомерность. На ягодах бледных

и последних в году – стайка птиц,
что клюют эту дань перед бездной
ада Дантова: сумрак глазниц,
на клочке этих рощ бесполезных,

зев пещер, тех глубин бытия,
где провальною сутью в отрогах
обрывается вера моя
навсегда в справедливого бога.

Дино Буццати

Заколдованный пиджак

Перевод с итальянского
Моисея Бороды

Я ценю элегантность в одежде, но совершенству в этом плане большого значения не придаю, и уж совсем мало обращаю внимания на то, как скроены те вещи, которые носят люди моего круга.

Но вот однажды, будучи на приёме, устроенном в одном из миланских домов, я обратил внимание на мужчину лет примерно сорока, который буквально блистал красотой своего костюма. Я видел его впервые, и спросить о том, кто это, пока шла официальная часть приёма, было невозможно. Но в какой-то момент мы с ним оказались близко друг к другу и разговорились. Он был вежлив, любезен – но сквозь эту любезность, эту вежливость проскальзывала какая-то печаль. Я сделал ему массу комплиментов по поводу того, как элегантно он одет, а под конец отважился спросить, кто же его портной

По лицу мужчины пробежала загадочная усмешка – так, как будто он ожидал моего вопроса.

– Его почти никто не знает, – ответил он, – хотя мастер он первоклассный. Шьёт только для узкого круга.

– Так что мне?..

– О, попытайтесь, попытайтесь. Его имя Кортичелла, Альфонсо Кортичелла, виа Феррара 17.

– Дорог, наверное?

– Могу предположить, что да, но, честно говоря, не знаю. Этот костюм он сшил мне три года тому назад, а счёт не прислал до сих пор.

– Вы сказали Кортичелла, виа Феррара 17´?

– Совершенно верно, – и с этим ответом неизвестный оставил меня и присоединился к другой группе гостей.

На виа Феррара 17 в доме, похожем на сотни других таких же домов, я отыскал жилище Альфонсо Кортичелла. Открыл мне он сам: старичок с чёрными волосами – наверняка крашеными.

К моему удивлению, всё прошло без осложнений. Напротив, он, как мне показалось, хочет иметь меня своим клиентом. Я объяснил ему откуда у меня его адрес, похвалил его искусство кройки и попросил сшить мне костюм. Мы выбрали материал – камвольную ткань серого цвета, он снял с меня мерку и предложил принести костюм для примерки ко мне домой. Я спросил его о цене. Он ответил, что с этим никакой спешки нет, о цене можно всегда договориться.

«Какой симпатичный, милый человек», – подумал я в этот момент. Но потом, по дороге домой, ко мне пришло ощущение какого-то беспокойства, стари-

чок показался мне вовсе не таким безобидным, что-то было в нём тревожащее, неприятное – может быть, от его слащавой улыбки, его настойчивого желания иметь меня своим клиентом. Но заказ был уже сделан.

Через двадцать дней костюм был готов. Когда его принесли, я примерил его перед зеркалом. Сшит он был первоклассно, работа подлинного мастера. Но не знаю почему, носить этот костюм мне совершенно не хотелось – возможно, под неприятным впечатлением от старичка портного. И прошло несколько недель, прежде чем я решился его надеть.

Этот день – апрельский вторник – я запомнил навсегда. Шёл дождь. Надев брюки, жилет и пиджак, я с удовольствием отметил, что ни брюки, ни пиджак, ни жилет нигде не жмут, не «тянут», как это обычно бывает с новыми вещами. И вместе с тем я ощущал себя как будто спелёнутым.

Как правило, я оставляю правый карман пиджака свободным, не кладу в него ничего – для документов и прочего мне служит левый карман. Но когда я через пару часов, уже будучи у себя в бюро, случайно опустил руку в правый карман, я заметил, что там лежит какой-то листок. ...Счёт от портного?

Нет, это не был счёт от портного. Это была купюра в десять тысяч лир.

Я был более чем озадачен. Наверняка положил её туда не я. С другой стороны, абсурдом было пред-

положить, что это подарок моей служанки – единственного человека, не считая портного, который мог приблизиться к моему костюму. Но может быть, купюра была фальшивой? Я посмотрел через неё на свет, сравнил с другими. Нет – с купюрой было всё в порядке.

Единственным возможным объяснением была рассеянность Кортичелла. Наверное, к нему пришёл клиент, чтобы расплатиться по счёту, под рукой у Кортичелла не оказалось в этот момент его бумажника, так что он, ища, куда положить деньги, чтобы они не лежали где попало, положил их в карман моего висевшего на манекене пиджака. Такие вещи случаются.

Я нажал на звонок, вызывая мою секретаршу. Собирался продиктовать ей письмо портному и возвратить ему не принадлежащие мне деньги. Вдруг, сам не зная почему, я опустил руку в правый карман пиджака. Мои пальцы наткнулись на кромку бумажной полоски; за несколько мгновений до этого в кармане не было ничего. Я страшно побледнел. В этот момент в кабинет вошла секретарша.

– Что с вами, дотторе? Вам плохо?

– Нет, нет. Ничего особенного. Лёгкое головокружение. У меня это время от времени бывает. Может быть, я просто немного устал. Идите к себе, синьорина; мне надо было продиктовать вам одно письмо, сделаем это позже.

Когда секретарша вышла, я отважился вынуть из кармана листок, на который наткнулась моя рука. Это была купюра в десять тысяч лир. Тогда я попробовал в третий раз – и вынул третью такую купюру. У меня заколотилось сердце. Я почувствовал себя вовлечённым, по каким-то таинственным причинам, в какую-то волшебную сказку – вроде тех, какие рассказывают детям, и в которые никто не верит.

Под предлогом, что плохо себя чувствую, я уехал домой. Мне нужно было побыть одному. К счастью, женщина, которая мне прислуживала, уже ушла. Я закрыл все двери, опустил жалюзи и начал быстро-быстро вынимать из кармана, содержимое которого, казалось, не иссякало, купюру за купюрой.

Нервы мои были напряжены до предела, каждый миг я боялся, что чудо вот-вот кончится. Я же хотел, чтобы оно продолжалось, я был готов работать весь вечер, всю ночь – пока счёт денег не пойдёт на миллиарды. Но в какой-то миг силы мои начали иссякать. Передо мной лежала внушительная куча банкнот. Важным в этот момент было сделать так, чтобы никто об этом не пронюхал. Я освободил стоящий в дальнем углу старый сундук, в котором лежали скатерти, и уложил туда деньги, считая их по мере укладывания. Оказалось пятьдесят миллионов с лишним.

Меня разбудила утром моя служанка, удивлённая тем, что я лежу на кровати полностью одетым. Я с деланным смешком объяснил ей, что вчера немного выпил, и меня внезапно сковал сон.

У меня появился новый страх. Служанка предложила почистить мой костюм, хотя бы слегка пройтись по нему щёткой. Я, таким образом, должен был снять костюм и отдать ей. Я ответил, что должен немедленно уходить и что времени переодеться у меня нет. Выйдя из дома, я поспешил в магазин готового платья, чтобы купить костюм из такой же ткани, как мой. Этот другой я и доверю заботам моей служанки; мой же костюм – костюм одного из самых могущественных людей в мире – я спрячу в надёжном месте.

Всё это время я не знал: живу ли я во сне, счастлив ли я, или, наоборот, задыхаюсь под огромным грузом, упавшим на меня по капризу судьбы. Идя по улице, я постоянно ощупывал через плащ магический карман моего пиджака. Ощущая сквозь материю утешительное, ободряющее поскрипывание купюры, я облегчённо вздыхал.

Случайность охладила моё переходящее в бред ликование. В утренних газетах появилась информация о крупном грабеже, имевшем место за день перед этим. Четверо бандитов напали на принадлежащий одному из банков бронированный инкассаторский автомобиль, вёзший в банк деньги из фи-

лиалов. Один из бандитов, увидев, что к месту ограбления сбегаются люди, начал стрелять, чтобы расчистить себе путь; один из прохожих был убит. Но больше всего поразила меня сумма добычи: пятьдесят восемь миллионов – столько же, сколько было у меня. Мысль, что может существовать какая-то связь между внезапно свалившимся на меня богатством и этим ограблением, показалась мне абсурдной: я не суеверен. И тем не менее происшедшее меня сильно смутило.

Чем больше у тебя есть, тем сильнее хочется иметь ещё. По моим скромным запросам я был уже богат. Но меня неудержимо влёк мираж жизни, полной безудержной роскоши. И в тот же вечер я вернулся к работе. Теперь я действовал более спокойно и с меньшим нервным напряжением. К уже имевшимся пятидесяти восьми миллионам прибавились ещё сто тридцать.

В эту ночь я не сомкнул глаз. Было ли это от предчувствия опасности? Или меня мучили угрызения совести, сознание того, что я незаслуженно получаю подарки от таинственной судьбы? С первыми лучами солнца я вскочил с постели, оделся и вышел из дома за газетой.

Я читал сообщение, боясь дышать. Страшный пожар, возникший на нефтебазе, практически разрушил дом на Сан Клоро – центральной улице города; среди прочего пламя пожрало сейфы крупнейшего

агентства недвижимости, в которых содержалось более ста тридцати миллионов наличных денег. При тушении пожара погибли двое пожарников.

Должен ли я перечислять мои преступления? Ну да, преступления – сейчас я знал, что деньги, которые доставлял мне мой волшебный пиджак, приходили ко мне к результат тяжкого преступления, пролитой крови, смерти – приходили из ада. Но в глубине моей души жила коварная мысль отмести от себя обвинения в моей ответственности. Вновь пришло искушение опустить руку в карман, почувствовать с неизъяснимым наслаждением, как пальцы сжимают кромку очередной банкноты. Деньги, божественные деньги!

Не покидая своей старой квартиры (чтобы никто ничего не заподозрил), я вскоре купил себе огромную виллу, стал обладателем ценной коллекции картин, разъезжал в роскошной машине и, покинув мою фирму «из-за проблем со здоровьем», путешествовал по миру в компании очаровательных спутниц.

Я понимал, что каждый раз, когда я извлекаю деньги из кармана моего пиджака, в мире происходит что-то отвратительное, случается какая-то трагедия. Но осознание этого было неясным, оно не выдерживало проверки логикой. Между тем с каждым новым вытаскиванием денег из кармана моя совесть всё больше сникала, становилась всё

трусливее. Ну а портной? Я позвонил ему по поводу счёта – к телефону никто не подходил. Всё происходящее, как бы сговорившись, показывало мне, что я, не подозревая того, заключил пакт с дьяволом.

Вся эта борьба с совестью продолжалась до тех пор, пока как-то утром в доме, в котором я жил, была найдена отравившаяся газом шестидесятилетняя пенсионерка; она покончила с собой, так как потеряла тридцать тысяч лир, которые собрала накануне (и которые оказались в моих руках)

Всё, кончено! Чтобы окончательно не скатиться в бездну, я должен избавиться от моего пиджака. Но не так, чтобы отдать его другому, иначе несчастье будет только распространяться дальше (кто сможет устоять перед таким соблазном?). Нет – пиджак должен быть уничтожен.

Я поехал на машине к скрытой от взоров долине в Альпах. Оставив машину на поросшей травой поляне, поднялся к расположенному выше лесу. Вокруг не было ни души. Я прошёл через лес к каменоломне. Здесь, между двух огромных валунов, я вытащил из рюкзака свой пиджак, облил его бензином и поджёг. В несколько минут от него ничего не осталась, кроме золы. Но с последним извивом пламени в двух-трёх метрах двух метрах сзади меня раздался голос: «Слишком поздно! Слишком поздно!» В ужасе я мгновенно оглянулся, но не уви-

дел никого. Я осмотрел всё вокруг, перепрыгивая с камня на камень, в надежде найти того проклятого, кто это сказал. Вокруг не было никого и ничего, кроме камней.

При всём том страхе, который я испытал, я спустился в долину с чувством облегчения, с чувством, что я наконец свободен. И, к счастью, богат.

Но на поросшей травой поляне, там, где я оставил мою машину, её не было. Вернувшись в город, я увидел, что моя роскошная вилла исчезла; на её месте был заросший луг. В нескольких местах стояли ограничительные столбы, на которых было прикреплено «Коммунальная собственность. Выставлена к продаже». Исчезли деньги с моего счёта в банке – никто мне не объяснил как. Исчезли толстые пакеты акций в моих сейфах. В старом чемодане – хранилище моих денег – я не нашёл ничего, кроме пыли.

Я снова работаю, работаю тяжело, едва справляюсь, и самое странное – никто не удивляется моему неожиданному краху, тому, что я внезапно разорился. Но я знаю, что это ещё не конец. Знаю, что настанет день, когда у моей двери прозвенит звонок, я пойду открывать и увижу перед собой пришедшего ко мне из ада за окончательным расчётом улыбающегося подленьким смешком портного.

Ольга Равченко

Узел кипу – на память

Я понимаю, конечно, что и революция, и те, кто её делают, могут совершать ошибки и несправедливости. Неписаные законы, управляющие человеческим поведением, касаются и революционеров, и контр-революционеров. Слепая точка, маленькая слепая точка не имеет особой значимости в контексте великих дел.

Пабло Неруда: «Признаюсь, я жил»

В литературе – ноль,
в истории – минус единица.

О. Р.

Бог-Сатурн пожирает своих сыновей. Человек жаждет голов: на деревьях и блюдах… Чтим ли память Слепых Точек: минутным молчанием?

– Забирайте свои гробы! – неисполненная просьба-угроза, поскольку и сегодня жители Познани бескорыстно ухаживают за могилой маминого брата с чужим именем (Григорий), упрекая нас в том, что американское правительство за поддержание в порядке захоронений своих солдат платит.

Имя маминого брата Георгия Ивановича Пономарёва – «сына врага народа», подорвавшегося на

мине в мае сорок пятого и умершего от ран в польском госпитале 12 октября 1945 года, есть на памятнике землякам, павшим в боях «За Родину! За Сталина!» в родной станице.

Мой отец, уцелевший в войне, не любил говорить о ней, не испытывал ненависти к немцам и не принимал художественные книги и фильмы о Великой Отечественной.

Саркофаг – над непогребённым. Мы – под крылом у Чернобыля: Двойник знает, что делать?

11 сентября: военный переворот 1973 года в Чили или теракт 2001 года в Нью-Йорке?

Кто-то плачет по поводу сброшенных на Югославию НАТОвских бомб?

Абсолютно безумная фраза, дерзко брошенная в телезрителей немолодой чеченкой: «Пусть русские женщины не оплакивают наших сыновей, а берегут слёзы для своих!»

Покаянный ужас готовящегося дать единственное в жизни интервью юноши из «Норд-остовского» теракта in vivo:

– Что мы делаем!?

Миф, легенда, религия как условное обозначение: ключ к карте Жизни. Не путать бы территорий!

Гомель, 2009

P. S.

Предисловие к коллективному сборнику «OROBORO» написано задолго до того, как окончательно определился авторский состав.

Рабочее название книги «Слепые точки» не прижилось, поскольку Ороборус беззастенчиво проглядывал сквозь страницы рукописи, зато теперь в сборнике нет-нет и проклёвываются слепые точки – во всей широте смыслов.

25 января 2013 года, во время последней встречи с Александром Конопелькиным в его доме, я не без гордости сказала, что «OROBORO» близок к завершению.

А. Капулько, как я иногда называла его в письмах, иронично заметил: «А что? Он ещё не вышел?!!»

А 24 марта мы прочли уже на Капиной странице в Фейсбуке запись Анны Ткаченко: «Ну вот, брат. Сделала я над собой усилие, вышла в интернет. А тебя нет, и не будет. Ты ушёл стремительно, как жил.

На ходу. Вперёд по улице. С кучей планов и проектов в твоей светлой голове. Мертвецки тих собрал друзей. Врагов не было. Светел ликом. Иронично улыбаясь. Из динамиков твоя живая гитара и твой живой родной голос. Все бродят от тебя по квартире и кажется, что ты где-то сидишь и поешь и снова к тебе, а ты тих...»

Опоздали.

Вверяем тебе, Читатель, «Крылатого Змея» – «торжественно переходящую акцию, в которую рука об руку соразмерно входят одиночество и солидарность, чувство и действие, [...] крепкая дружба и тайное проявление природы».

Паоло Транкина

Семь архетипов для четвёртого тысячелетия

(фрагмент эссе)

Великая Мать

В религии Богини небо, земля и вода были братьями и сёстрами: мужчина, женщина, все создания, деревья, камни, животные – были братьями и сёстрами, детьми одной Матери, сделанными из одного великолепия первой материи: пыли, из которой всё было сотворено.

Даже смерть преклонялась перед бесконечной плодородностью её космического треугольника – источника любой жизни, любой музыки, любого вздоха, любого настроения и бесконечных радуг.

Один и многие могли сосуществовать, разделяя чувства и смыслы, не убивая друг друга; они могли расти из бесконечных видов родства, узнавая себя в Ней, и не принуждались считаться разными, являясь таковыми.

От Уральских гор до равнин Ирландии, от Севера до исполненных ароматов средиземноморских полуостровов мы покончили с миграцией, научившись магии сева.

Земля казалась садом. Она и была Садом, управляемым цикличными возвращениями месяцев, цветов, птиц, фруктов, магических серпов луны.

И не было соперничества между мужчиной и женщиной, чёрное могло быть добром, а белое злом, законы природы главенствовали над законами людей, и все дети были любимыми, потому что они были, а не потому что умели лучше подчиняться, первенствовать и убивать.

Вырисовывается вызов IV тысячелетия: перелицевать чёрное – в белое, белое – в чёрное, очеловечить технику, природу, власть и воссоздать Сад. Перелицевать мир ненависти, воссоздав любовь и мир для каждого, чтобы один и многие мирно сосуществовали.

Возрождение.

Чудесное возрождение богинь.

И твоего круглого тела, Мать: твоего круглого тела мира.

Обоюдоострый топор

Великая Мать – символ союза, нетрансгрессивной преемственности, равенства людей; природа, состоящая из каждого и из всех, подобных. Но союз может превратиться в безразличие, преемственность – в повторение, политика подобия – в ужасающую неразличимость.

Топор отделяет, рубит, формирует, властвует.

Заблуждение думать, что разрушение – целенаправленное хирургическое вмешательство как применяемая нами по отношению к другим крайняя мера – оставляет нас неприкосновенными: лунный цикл – полный круг топора – свидетельствует его агрессивность, двуликость и определённость относительно того, что он, отличая, отличает; разделяя, разделяет; убивая, умудряется поразить собственное тело.

Срезав огненной секирой красный цветок возмездия и черный цветок первородного греха, обоюдоострый топор свидетельствует тождество, утрату и рану возрождению таинства ещё не израненного цикличного времени.

Лабиринт

Кто не терялся, тот не знает.

Лабиринт – путешествие вокруг да около с целью добраться до центра и вернуться.

Это – пространство второго знания.

Но путешествие внутрь может быть краплёным, снабжённым нитью: обманом, не ведущим к возрождению, – а инициация – балаганным ритуалом.

В лабиринтах больше нет чудовищ, поэтому нам их неизменно навязывают. Нет даже богов, богинь, гермафродитов, а есть только то, что в нас самих и чего мы не хотим видеть.

Эта ужасная его концентрация, невыносимая тяжесть, эпохальный вызов нести в нас самих тень и свет.

Всё, что ни есть, без проекций.

Каковы же мы: изнутри, сегодня – если пространство снаружи сделалось безграничным? Что за мощь внутри нас сегодня, со всем всемогуществом машин снаружи?

Как по-прежнему говорить: «Я», – зная, что натолкнёмся на бесконечное «мы»? Семя идентичности, аутоконфирмации вырвано у преемственности несуществования?

Лабиринт – всегда дальше середины чего-то; пространство, где вслед за первой частью, если врубается смысл, начинается риск.

Выживание после открытия.

Тот, кто не осилит дорогу назад, обречён потеряться, потому что не знает спекулятивности её предела. Кто научился не бояться обратного движения, двойственности, хаоса, тот может взобраться на первые камни инициации. Но только тот, кто знает двусмысленное, неотвратимо разное (не перелицовываемое) слово входа и выхода, может приблизиться к вечным возвращениям.

Колесо

Колесо – ритм возвращающегося времени, течение времён года, размеренный ход миграций.

Его лучи – тайные соответствия между небесными циклами и судьбой человека; лепестки, впитавшие радугу; равноденствия; северные сияния.

Их солярная суть намекает на совершенство круга, на тайну квадратуры, на безмятежную полноту восточных мандал, на их символическую дидактику, на мистическую прозрачность готических розеток.

При вращении центр по спирали освещает лучами периферию, обновляя её, порождая пространство и все деления времени, и – непоколебимый мотор, завораживавший предков, – непредсказуемый в повторениях, но неизменно меняющийся – сам светится в ней.

Поэтому колесо – это всё, что не принадлежит, а циклически обуславливается: придаваемый нашей жизни вселенский смысл и происходящие с субъектом события; зеркальный механический ритм каждого повторения и случай, который предки называли «фортуной».

Филогенез пересекает единое имеющееся у нас тело, делая нас равными всем остальным, то есть сертифицируемыми, манипулируемыми, слабыми. Но фантазия, неустанно создающая и воссоздающая миры и смыслы, наделяет нас ценностями и делает нас разными: преступающими закон, опасными, непредсказуемыми, уникальными перед лицом свободы и истории.

Змей, пересекающий цветок лотоса.

Подобно мысли, колесо касается грунта только в одной точке. Неуловимое лицо настоящего при встрече с возвращающимся временем.

«Кто свободен от ностальгии, тот может начать всё сначала, когда захочет», – рассказывает колесо, соблазняя нас каждой возможностью совершенства, утопии, безграничного величия.

Повороты за поворотами, сулящие Возрождение садам каждого вновь обретённого Рая.

Дверь

Только принимающий смерть может возродиться.

Вход в откровение, в перемену, в дверь не означает единичный переход: она приглашает переживать его снова и снова.

Дверь – печать между двумя мирами; последовательность, в которой мы усмотрели разделение.

Потому что дверь размежёвывает и сочетает, намекает на несоизмеримые расстояния и тревожные близости, отделённые только одним жестом: выбором.

Но каждый выбор – прыжок без возврата.

Есть двери, открывающиеся только раз в жизни, невзирая на объективные условия.

(Все?)

Иногда выбор – не делать выбора.

Дверь – разделение между индивидуальным и коллективным, рубеж для перехода, чтобы относящееся к универсальному порядку превратилось в порядок субъекта.

Лучше не менять одно на другое без соблюдения ритуала.

Поэтому часто у дверей есть свирепые стражи, ужасающие глаза, превращающие в камень. Они преграждают путь недостойным, защищая тех, кто осмелился бросить им вызов и выжил.

Дверь инициации всегда узкая. Ничто не должно

потеряться, ничто не должно выступать за края неповторимого силуэта каждого существа – чёткого, как жестяная фигурка на фоне неба, – вырисовывающегося, увлекая рубиконом и меняясь для каждого из нас, на пульсирующей бесконечной стене Вселенной.

Мужчина, женщина – мера всех вещей, но не как абстрактные существа.

Ты – мера.

Ты – дверь.

Перевод с итальянского

Эмма Прибыльская

Спектакль «Готин в человеке из будущего»

I

Театру «Гота Дульсе»

Напластованья – за классом класс:
класс славословия – класс злословья…
Разве возможна – от сердца власть,
что руководствуется любовью?..
Власть уважает – себя саму,
пренебрегая душой-Природой:
«Право святое – надеть хомут» –
и хомутает свои народы…
Слушаешь сердце своё? Ослаб!
Слабость-злодейка, сорняк упорный…
Силы добра – на бумаге, зла –
очень легко уплотнились в формы…
Так уморительно: в птичку – пиф-паф!..
Что там внутри – у яиц страусиных?..
Птенчик проклюнется – страусозавр:
силу поглотит злобнейшая сила…
Время мутирует: век перемен…
Всё непонятней кто дичь, кто охотник…

Всё прогрессирует эксперимент:
смотрит ясней – устраняет охотней…
Жёсткое солнце лучит мечи.
Воды горчат: шлют полынный яд нам…
Лазер ромашечку облучит:
«Стань кровожадною-плотоядной!..»
Сыт и успешен – студёносерд…
Хладных камней вес и мёрзлых комьев…
Благ лишь ребёнок: не верит в смерть,
сказкой – от смерти спасёт – любовью…

II

Раздумья о природе власти.
Забывшая про власть Природы
Зарвавшаяся Сила – Ластик,
стирающий миры-народы
на карте: «Белый Свет, будь белым!..»
Соизволяем – созерцаем…
Легко чертить границы мелом,
не церемониться с сердцами,
со старостями и цветеньем
и отмести младенца лепет
с наивной прочей дребеденью –
и наследить: ему в наследье…

Следы, сминающие травы…
Следы, терзающие корни…
Губить присвоенное право –
власть делает ещё тлетворней…
Власть – с совестью, душою, сердцем?..
Не ложь, не маска для разбоя?..
Власть – опереться-отпереться:
Опора-Ключ – и звать Любовью?..

Елена Ханен

Я – море

Незапамятно долго ходила я в королевстве кривых зеркал. Мне казались забавными милые рожицы, что смотрели со всех сторон. Мы улыбались друг другу.

Никто не гнал меня в королевство... Я пришла, сама пришла сюда и включила сотню ламп, чтобы получше увидеть отражения тех, кто мне интересен.

Но больше всего я хотела увидеть себя. В искривлённых зеркалах.

Увидела.

Надо было сначала принять слоновью дозу успокоительного.

Поздно.

Разве? Как я могла забыть! Ведь есть Море!

Несколько часов дорожных неудобств, и вот я уже иду к морю. Его еще не видно, но слышен шум – негромкий, всепроникающий, могучий гул океана. Этот гул наполняет меня, я становлюсь легче и сильнее, и нетерпеливо ускоряю шаг – скорее, скорее...

Вот оно.

Я стою, одна, на вершине дюны и пожираю взглядом гладь воды, пытаясь охватить взором бесконечность.

Скинув тесные туфли и закатав до колен джинсы, пытаюсь бежать босиком. Сыпучий сухой песок не даёт двигаться быстро, как я привыкла; он будто хочет сказать: эй, ты не в городе! Куда мчишься? Притормози!

Солнечно-белый пляж пустынен, лишь несколько чаек парят в прозрачном небе. Вот он – самый прекрасный вид одиночества…

Какой обжигающе-холодной кажется поначалу вода, но потом – привыкается. Теперь я долго буду бродить по кромке прибоя и слушать голоса моря.

Их много – этих голосов.

Рычат, шипят устрашающе волны, катящиеся к берегу.

Рррр… Шшшшш…

Вставшим на дыбы конём вздымаются валы с кипейно-белым гребнем, несутся отважно вперед… с громким всплеском разбиваются вдребезги.

Паччч… Паммм… Папамм…

Распластавшись и украсившись муаровыми разводами, грозная волна смиренно и медленно подползает к моим ногам.

Тсссс… Тсссс…

Фестончатые края из воздушной пены оставляют росчерки на мокром песке, когда гладь волны неспешно отступает назад.

Аааа… Аххх…

Слышен посвист ветра – прохладного, с аппетитной тухлинкой.

Сссс….Фффффф…

Затишье длится лишь одно мгновенье, и вновь – настырный грохот прибоя.

Рррр… Шшшшш… Паччч… Паммм… Папаммм…

Голоса моря сливаются с утробным могучим гулом, идущим из глубин океана.

Нет конца и нет начала…

Если отойти подальше, за дюны, то суетливый плеск волн не будет слышен. Лишь всепроникающий гул вечного моря. Надо просто остановиться и прислушаться. Он очень тихий – гул вечного, очищающего моря.

Может быть, этот всепроникающий гул и есть причина, что у моря чувствуешь себя иначе? По-иному – легче, проще – думается, и находятся вдруг ответы на вопросы?

Обновление…

Бросай в меня камни, бросай в меня грязь. Я – море…

Благодарю тебя, Море. Наверное, я по природе своей – язычница. Жаль, Море, что мы не можем быть всегда вместе. Пора обуваться в тесные ботинки и лететь в город, в королевство кривых зеркал.

Можно, я сделаю несколько фото? Мне хочется всем показать, как ты прекрасно, моё Море…

Когда схлынет прилив,
Собери ты жемчужные травы морские.
Если дома любимая спросит тебя
О подарке из дальней страны,
Что тогда ей покажешь?

(Ямабэ-но Акахито, VII век)

Пока-пока, Море!
Я вернусь!

КовидЛомания

Владимир Авцен

Пандемия поляризовала из без того крайне разделённый мир на каркунов, пророчащих ближайший конец света и пофигистов, убеждённых, что все разговоры об опасности – пустые страшилки... Первые навеяли мне стишок «Ворона», вторые – дурку «Из дневничка старичка».

В. А.

Ворона

Если буду жив (ЕБЖ).
Лев Толстой

– Кар-р-р! – прокаркала ворона. –
Вот вам, гр-р-решники, кор-р-рона,
ждёт вас всех вселенский мор-р-р!
Я сказал ей:
Nevermore!*

Да, царят печаль и страх
на шести материках.

* Никогда (англ.)

Да, согласен, что покуда
с этой дрянью – дело худо.
Но чтоб всех нас под топор?
Не дождёшься!
Nevermore!

С хворью борются китайцы,
африканцы и ямайцы,
русским встретить удалось
без родимого «авось».
Бьются с нею итальянцы,
и испанцы, и голландцы,
немцы и американцы
чинят вирусу отпор.
Да, с потерями, конечно,
что прискорбно, но что б вечно
это длилось?
Nevermore!

Я прошу у тех прощенья
стран, которых не назвал, –
мне пора в стихотворенье
вставить радужный финал.
Есть надежда, что евреи,
«хитрецы» и «прохиндеи»,
отодвинут Страшный суд –
разработав панацеи,

исхитрившись, мир спасут.
И за это все к евреям,
станут чуточку добрее.
Впрочем, это – перебор…
К ним добрее?
Nevermore!

P. S.

Мысли об Армагеддоне,
что поведал я вороне,
не пришлись ей по душе,
и она, взмахнув крылами,
затерялась за холмами.
Ну а я навеки с вами,
брат-читатель! ЕБЖ…

Из дневничка старичка

Коронадиссидентам посвящается

26.02.2020. **Не сижу дома**

Я короны не боюсь,
над страшилками смеюсь.
День и ночь на карнавале
мы с соседом зажигали,
пили-ели, время мчалось,
девки липли к нам, случалось,
а чтоб вирус прилипал
как-то я не замечал!

17.03.2020. **Болею!**

***
Корона в 90? Лучше б СПИД!

***
Что наше бытие конечно,
печально, Господи, конечно…

***

Жгут по ночам утраты,
боль ошибок…
Зато бывал с утра ты
больно шибок!

***

Что предпочтительней:
снотворных горсть
или с моста – головкой?
Ночные мысли… А на утро
потерянную пуговицу жаль.

25.03.2020. **Выздоравливаю!!**

Лежу. Читаю, что хочу.
Сдаю без устали мочу –
на вид красивую, но что-то
она не нравится врачу.

Часть тела есть у нас одна,
в стихах с Европою дружна,
что б ни болело, почему-то
за все ответчица она.

Сестричек симпатичных – тьма!
Они сведут меня с ума.
Господь, придумавший болезни,
мужик неглупый был весьма…

31.03.2020. **Сижу дома!!!**

Лихо делаю наклоны,
приседания и проч…
На здоровые на клоны
я себя раздать не прочь.

Завет внуку

Ты почаще, милый мой,
свои руки с мылом мой,
а иначе паразит
тебя, внучек, поразит!

Марина Ламбертц-Симонова

Маски

Мы живем давненько как во сне,
Как в какой-то шутке неуклюжей…
Мы привыкли к маске, как к… жене,
Как к щеке давно небритой мужа.

Это маска больше не «экстрим»,
Может стресс с нас снять и убаюкать,
Мы в неё чихаем и сопим,
Жаль ещё не научились… пукать!

Нам теперь не надо «делать вид»,
«Скалить зубы» за чужой спиною…
Кто хрипит под ней, а кто… храпит,
В ней мы как за каменной стеною.

В ней почти божественен наш лик:
Не видать второго подбородка…
Маска спрячет длинный наш язык –
Тот, что без костей торчал из глотки.

Можно в ней нести и полный бред,
Можно ржать, мычать и шмыгать носом.
И, конечно, лучше маски нет –
Средства от словесного… поноса.

А без маски жизнь на волоске…
Даже если тычешь в нос анализ.
В маске рот все время «на замке»,
Только бы… «ключи» не потерялись…

А вообще-то маска хороша,
Если в тон подобрана к рубашке!
А ещё отрадно, что душа
Может быть и в маске… нараспашку.

И сердцам открытым нет цены,
Тем, что есть у нас ещё в резерве,
В тот момент, когда обнажены –
Как струна натянутые нервы.

Маска учит многое терпеть,
Быть умней и выглядеть моднее…
В маске, хоть и трудно, можно петь,
И казаться выше и взрослее.

Даже если ты пока соплив,
И интим тебя ещё пугает…
Маска – это как… презерватив,
Членов всей семьи предохраняет.

Тот, кто носит маску, – тот умней
Тех, кто с обнаженным ртом (хоть в платье)!
Маска… кремень! И возможно, в ней
Только… непорочное зачатье:

И бактерий, и микробов зла,
Вшей раздоров, червяков сомнений…
Скольких маска именно спасла
От грызни, укусов и… съеденья.

От плевков и в душу, и в лицо,
Брызг слюны предельно ядовитой…
Маски, как… кондомы на лицо
Всем, кто так на подлость плодовиты.

Маска очень прочная – как сталь,
Если в ней в носу не ковыряться!
Одного мне, если честно, жаль:
В маске неудобно… целоваться!

Но зато удобно в ней «пахать» –
Незаметно «на чужого дядю»…
И на всех в ней можно начихать,
Но ни на кого нельзя… нагадить.

Маска часто очень нам идет –
Так похожи в ней мы с «корешами»!
Плохо только, если маска жмёт,
И трещит за нашими… ушами…

Маска – как на лысине… парик,
Нас преображает просто чудом,
Придавая нам особый шик,
Словно все мы звёзды Голливуда!

Маска нынче – главный символ дня!
Можно в ней не только… грабить банки…
Маска – это в сущности… броня,
В ней себя мы чувствуем как в… танке!

На идущей целый год войне,
У которой оказались в жерле…
В маске: в самом пекле и огне
Мы предотвратить способны жертвы.

Избежать мы можем многих драм,
Если обороне научиться…
Человек под маской словно… храм,
На него готовы мы молиться!

Вот как маски миссия важна!
В ней мы проявляем высший разум.
Ну а в душном обществе она
Служит нам ещё… противогазом.

Пусть нам в маске вовсе жизнь не мёд,
И процесс ее «ношенья» труден,
Маска нам возможности даёт:
Быть как все порядочные люди!

В маске входим мы в особый транс,
Суждено ей стать приметой Века…
В ней зато имеет каждый шанс
Выглядеть приличным человеком!

Что на ветер не бросает слов
И по миру вирус не разносит.

Люди, вы достойны орденов!
Славьтесь все, кто гордо маски носит!

P. S.

В маске нынче даже Дед Мороз –
И для всех, конечно, очевидно:
Он мешок подарков нам привёз –
Тёплых масок… противоковидных!

Вот смотри – он все уже раздал!
Ну а если сделал ты ошибку
И момент раздаточный проспал,
Отправляйся срочно на… прививку!

Поспеши, не падай в грязь лицом:
В этот домик на куриных ножках,
Где в руках с огромнейшим шприцом
Ждёт тебя врачиха – Бабка-Ёшка.

Пикс! И всё! «Ковиду поделом!» –
С радостью под нос себе бормочешь,
Ведь теперь ты в… ступе с помелом
Полетишь опять… куда захочешь!

Илана Городисская

Дневник короназаключенной

Избранное в эпизодах

13.03.2020, пятница

С отвисшей челюстью прослушала по новостям обращение правительства к народу. Поняла, что свою старшую дочку, отправленную на выходные к «бусе и Жене» в Сдерот, не увижу еще очень долго. Погода жуть.

14.03.2020, суббота

Погода так себе. Настроение жуть. Вышла с близняшками на часок на площадку. Пропала с ними на три часа. Куда торопиться? Напряженно думала о том, как много, к счастью, я успела за последние две недели. До короны.

15.03.2020, воскресение

Школы-садики закрыты. Муж заперся у себя в комнате заниматься онлайн-делами. Малые «разносят» дом. Я в тихой истерике. Соображаю, как бы «сделать из лимонов лимонад». Вечером по новостям еще одно обращение правительства. Уже «не колышет».

16.03.2020, понедельник

Погода класс. Вывела свой «выводок» подышать

воздухом, о чем написала отдельный пост. Училки-воспитательницы моих детей по телефону поинтересовались: как они. Почему же никто не поинтересовался, как я?

Как и все в стране, заморозила свои дела и планы до лучших времен. Вечером муж пошел в магазин. Мяса нет, яиц нет, еще чего-то там нет. Моя тихая истерика перешла в громкую.

17.03.2020, вторник

Погода так себе. Сварила суп-кашу-второе из топора. Узнала, что с завтрашнего дня собираются закрыть абсолютно ВСЁ, даже детские площадки. Срочно поехала в парикмахерскую. Была единственной в очереди, и, по-видимому, последней на ближайший месяц (месяц?). Из парикмахерской тоже поехала в магазин, другой магазин, где обнаружила, что мясо и яйца есть, но сахара нет. Сфотографировалась селфи в маске. По возвращении к дому не нашла где парковаться. В смысле – поблизости от дома.

19.03.2020, четверг

Психанула и занялась домашним хозяйством. В шесть часов вечера, вместе со всем народом израилевым, вышла на балкон похлопать нашим самоотверженным медработникам. В девять часов вечера звонок в дверь. Родители мужа и моя старшая

нанесли нам незапланированный визит, в ходе которого я поняла две вещи:

1. Нерушимых оплотов не бывает, ибо державшаяся «до последнего» сдеротская библиотека тоже закрылась;
2. Я скучаю за своей старшей, хотя в данный момент ей у «буси и Жени» лучше.

По настоятельной рекомендации мужа посмотрела на ночь глядя фильм «Заражение» 2011 года. Ну, что сказать? Есть режиссеры-пророки.

20.03.2020, пятница, вечер

Погода жуть. В полдевятого звонок от родителей мужа с просьбой срочно забрать мою старшую. У них ЧП: прорвало канализацию в квартире, вода прибывает с каждым новым дождем. Я, обрадованная возможности вырваться из дому, отправляюсь в путь. От Беэр Шевы до Сдерота, в среднем, сорок минут. В тот вечер добралась за полчаса. Трасса – мертвая. Даже «ментуры» нигде не видать. Небесные хляби разверзлись так, что, казалось бы, всю заразу могло бы смыть в тартарары. Но она, сволочь, невосприимчива к холоду и к дождю, ей хамсин подавай.

Прибываю к свекрови и свекру, а там… небо наоборот. Я, в сапогах, скольжу по полу и аккуратно приземляюсь на жопу. Мы по быстрому собира-

ем Эльви, и я с ней двигаю домой. По дороге я понимаю, что таки да – соскучилась за своей старшей.

21.03.2020, суббота

Привыкшая у родителей мужа к ранним подъемам, Эльви была на ногах уже в семь утра. Ее развлекали фильмом «Король лев». Я и малые продрали глаза к одиннадцати. И поехало: «Холодное сердце 2» в тысячу первый раз, «Моана» – в миллионный раз, «Супергерои в масках» – в не знаю какой раз, но мне было по барабану, так как и мне, и мужу нужно было работать. Я свою работу закончила в три утра. Муж еще занимался.

22.03.2020, воскресение

Распогодилось. Впервые за всю неделю я, почувствовавшая что значит сидеть на карантине с тремя детьми, вывела их немного погулять. Площадки воспрещены. Прохаживаемся по прогулочной части района. Я полагала, кроме нас, там никого не будет. Черта-с-два! Там вместе с нами гулял весь район! Семьями! С грудничками! С собаками! Группами на велосипедах! Группами на роликах! Ощущение променада в Судный день! Спрашивается: а где карантин?

26.03.2020, четверг

Просыпаюсь черт знает когда, в полнейшей депрессии. Какая разница – когда вставать, если я и так как в тюрьме? На улице реальное ощущение Судного дня, судя по количеству проезжающих машин. Напоминаю себе о том, что сегодня переводят часы на летнее время. А кому оно нужно сейчас это летнее время? Что с ним делать? Сидеть в карантине на один час меньше?

Исходя из новых санкций, теперь можно отдаляться от дома не дальше, чем на сто метров. Спрашиваю мужа: наши мусорные баки во дворе находятся дальше, чем сто метров от парадного? Вопрос риторический.

30.03.2020, понедельник, вечер

Не выдержала и отправилась гулять. Шла по районному променаду, пугая своим видом уличных кошек. Параллельно со мной шел спортивного вида старичок. По дороге он то и дело останавливался и делал упражнения руками и ногами. Видимо, и ему надоело сидеть в карантине. Из уважения к здравоохранению пожилых я его опередила. Миновала синагогу. Десять мужиков в масках стояли во дворе, на расстоянии двух метров друг от друга, и совершали поклоны в сторону Иерусалима. Молитесь, товарищи, может, вас и услышат!

Автор рисунков Виолетта Минина

Цитаты и афоризмы Джонатана Свифта

- Болезни старости ослабляют нашу привязанность к жизни по мере того, как мы приближаемся к смерти.
- Большинство браков несчастно потому, что молодые жены плетут сети, в то время как им следовало бы позаботиться о клетках.
- Большинство мужчин любят лесть потому, что сами они ценят себя невысоко; с женщинами все наоборот.
- Бывает, что я читаю книгу с удовольствием и при этом ненавижу ее автора.
- В глазах света вы будете молодой и красивой лишь несколько лет; а в глазах своего супруга – лишь несколько месяцев.
- В мире нет ничего более постоянного, чем непостоянство.
- В спорах, как на войне, слабая сторона разжигает костры и устраивает сильный шум, чтобы противник решил, будто она сильней, чем есть на самом деле.
- В старости умный человек занят тем, что пытается избавиться от того недомыслия и безрассудства, которые он совершил в молодости.

- Власть – такое же искушение для монарха, как вино или женщины для молодого человека, как взятка – для судьи, деньги – для старика и тщеславие для женщины.
- Всякий, кто способен вырастить два колоска пшеницы на том месте, где раньше рос только один, заслуживает высшей похвалы человечества, для своей страны он делает гораздо больше, чем все политики вместе взятые.
- Всякое правительство, действующее без согласия тех, кем оно правит, – вот исчерпывающая формула рабства!
- Выдержки, извлечения и прочая подобны зажигательным стеклам – они собирают лучи ума и знания, рассеянные в произведениях писателей, и силою, и живостью сосредоточивают эти лучи в сознании читателей.
- Гения сразу видно хотя бы потому, что против него объединяются все тупицы и бездари.
- Говорить, что человек обязан верить в Бога, – не только неверно, но и неразумно.
- Давно известно, что те, кому отводят вторые места, имеют неоспоримое право на первое.
- Дурная компания подобна собаке, которая пачкает тех, кого больше всех любит.
- Если вы направляете в чей-либо адрес остроту, вы должны быть готовы принять ее и обратно.

К слову, последние свои дни писатель прожил в одиночестве. Свифт сам себе написал и эпитафию, которая содержится в поэме «***Стихи на смерть доктора Свифта***»

Поставил автор цель благую –
Лечить испорченность людскую.
Мошенников и плутов всех
Хлестал его жестокий смех…
Сдержи перо он и язык,
Он в жизни многого б достиг.
Но он не помышлял о власти,
Богатство не считал за счастье…
Согласен я, декана ум
Сатиры полон и угрюм;
Но не искал он нежной лиры:
Наш век достоин лишь сатиры.
Всем людям мнил он дать урок,
Казня не имя, но порок.
И одного кого-то высечь
Не думал он, касаясь тысяч.

А к завещанию он приложил уже эпитафию для собственной надгробной плиты:

«*Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и суровое негодование уже не раздирает его сердце. Ступай, путник, и подражай, если можешь, тому, кто мужественно боролся за дело свободы*».

Содержание

Введение: Джонатан Свифт 4

Современная сатира

Марина Старчевская 10

Вера Сытник 12

Владимир Авцен 19

Владимир Буев 21

Марина Ламбертц-Симонова 23

Ольга Слободкина-von Brömssen 26

Сказки, притчи, фантастика

Ирина Петрова 34

Ольга Коршунова 42

Наталья Колмогорова 49

Марина Ламбертц-Симонова 57

Юрий Табачников 66

Гулливер сегодня

Евгений Прудченко 76

Марина Ламбертц-Симонова 78

Вера Сытник 80

Фрида Шутман 93

Максим Сафиулин 100

Юрий Табачников 102
Милана Гиличенски 103
Любовная лирика
Наталья Колмогорова 116
Виорика Пуриче 118
Андрей Крюков 120
Евгений Прудченко 122
Ольга Коршунова 125
VIP
Татьяна Бадакова 128
Виктория Левина 137
Дино Буццати в переводе М. Бороды 142
Ольга Равченко 152
Эмма Прибыльская 163
Елена Ханен 166
КовидЛомания
Владимир Авцен 172
Марина Ламбертц-Симонова 178
Илана Городисская 184
Цитаты и афоризмы Джонатана Свифта 190

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONAL GUILD OF WRITERS